

84/2Рсс = Руч/6
К 65 = 3

Алла Копьева

ЭХО КОНДИНСКИХ
УРМАНОВ

Кондинский районный совет ветеранов (пенсионеров) войны,
труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

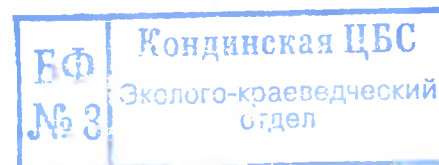
Посвящается 60-летию Победы
в Великой Отечественной войне
1941–1945 годов

Алла Копьева

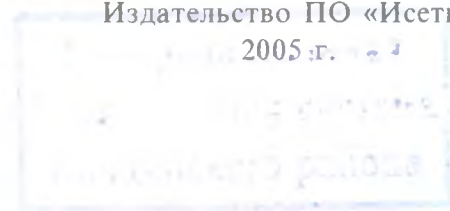
ЭХО КОНДИНСКИХ УРМАНОВ

Стихи

- 49464-19

г. Шадринск
Издательство ПО «Исеть»
2005 г.

ББК 84Р7-5
К 55

Копьева А. Ф.

Эхо кондинских урманов. Стихи – Шадринск:
Издательство ПО «Исеть», 2005. – 184 с.

«Эхо кондинских урманов» – первая книга стихов мансийской поэтессы Аллы Копьевой. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Книга издана при финансовой поддержке администрации муниципального образования Кондинский район.
Глава администрации – **Редикульцев Виктор Федорович**

Инициатор издания:

Районный совет ветеранов войны и труда.
Председатель – **Овчинников Василий Алексеевич**,
участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

ISBN 5-7142-0576-6

© А. Ф. Копьева, 2005

Алла Копьева
Эхо кондинских урманов
Стихи

Корректор В. П. Бумагина

Сдано в набор 2.12.2004. Подписано в печать 16.12.2004. Формат 70х108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Бумага ВХИ. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,05. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 700 экз. Заказ № 1810.

Издательство ПО «Исеть», 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

ГОЛОС ДОЧЕРИ МАНСИЙСКОГО НАРОДА

Имя Аллы Копьевой хорошо известно в Кондинском районе Ханты-Мансийского округа – Югре.

В годы 80-летия района была проведена акция «Мы – кондинцы», где каждый поселок и каждый сельский округ показывал в п. Междуреченском, райцентре, свои достижения и свои таланты. Концерт п. Половинки, где живет Алла Копьева, оказался бы неполным без песен на стихи Копьевой и ее поэзии. Хоры исполняли песни о Половинке, и сама Алла Федоровна читала свои стихи, и самодеятельные артисты читали ее стихи:

«Приходилось вам слышать хоть раз
Гулкий бубен сибирских шаманов?...».

Алла и родилась здесь, в деревеньке Учинья, которая теперь стала одним поселком с Половинкой. Выросла в многодетной семье, была старшей из восьми ребятишек. Отец – манси, мама – русская женщина, любившая поэзию. С детства Алла видела лишь тяжелый труд. Специального образования не удалось получить, закончила только среднюю школу. И трудилась, всю жизнь трудилась – разнорабочей в леспромхозе, кочегаром, почтальоном... Утешением были дети – и стихи. Стихи, проникнутые чувством любви к родному краю, болью за судьбу народа манси.

У родины моей озерные глаза,
Задумчивые, строгие, большие.

И волосы ее – зеленые глаза –

И ленты вплетены в них были голубые.

Читая эти строки, слышишь музыку тайги, музыку стиха – и восхищаешься образным, истинно поэтическим восприятием мира. Особое отношение у Копьевой к национальным легендам и мифам. История создания «Легенды о Великой богине» восходит к исследованиям Евы Шмидт (Венгрия), несколько лет работавшей в Югре, изучавшей обычаи народов Севера. Алле Копьевой удалось перевести слова мифа о богине деревни Евра Йивыр-Най в поэтические строки.

Впрочем, пишет Алла не только о судьбе своего народа и красоте края. Многие ее стихи посвящены защитникам Отечества. В ее стихах отражен ее внутренний мир, а в нем есть место Пушкину и Есенину, ее родным: маме и детям, внукам, временам года и краткому мигу особенного впечатления, например, взгляду на лебедей, летящих в небе.

В тишине над вечерним селом,

Разрезая усталым крылом

Небеса и тревожа людей,

Пара белых плыла лебедей...

Читатели районной газеты могут встретить ее стихи в поэтических подборках – и подумать о чем-то своем, сокровенном, глубоком. Потому что тайну стиха – при всей его простоте, – постигнуть невозможно. Главное, что стихи Копьевой вызывают волны сопереживания, острых чувств и раздумий.

Ее стихи публиковались в сборниках «Шаимские

находки», изданных поэтами г. Урая, которые тоже считают Аллу своей, и в книге «Зеркало кондинских вод», в альманахе «Конда». Работники библиотеки п. Кондинское провели большую встречу в «литературной гостиной» с Аллой Федоровной, где она читала стихи, а ее сын исполнял песни на слова матери. К этому событию в библиотеке набрали на компьютере и сделали маленький сборник стихов – в дар автору.

Сегодня в районе Алла Копьева – единственная поэтесса, чье стихотворение «Может, это была» было переведено на английский язык и прозвучало с трибуны Международного Конгресса женщин в г. Тромсе (Норвегия), а также было опубликовано в монографии, посвященной исследованиям быта народов Севера, изданной в Финляндии.

Думаю, что первая книга стихов поэтессы Аллы Копьевой станет значительным явлением в культуре края.

Галина Федорова, руководитель литературного
клуба «Зеркало» при редакции газеты
«Кондинский вестник».

О СЕБЕ

Родилась я 19 марта 1956 года в деревне Учинья (ныне Половинка) Кондинского района.

Выросла в большой семье. Я – старшая из восьми детей. Детство было не из легких. Росла я замкнутой, не общительной. Лучшими друзьями были лес и собаки (отец мой охотник манси). И еще – книги. Любовь к чтению привила мне мама с ранних лет. Родителям было не до воспитания – прокормить да одеть такую семью, – и воспитывалась я на сказках да романах. Любила заучивать и декламировать стихи. Хорошо писала сочинения. Но сама стихи начала писать лишь в юности. Судьба мне досталась нелегкая. В прошлом – гибель старших детей, неудачное замужество, практически одна вырастила четверых детей. И пусть они не заканчивали университетов (у всех рабочие профессии), но выросли неплохими людьми и подарили мне уже троих внуков.

Но жизнь и теперь не балует меня. И стихи являются как бы отдушиной, помогая выстоять.

Но пишу ли я их? Откуда они берутся? Словно знала их когда-то и вот вспомнила... Я не особо образованный человек, после школы – сразу разные работы в ЖКХ, в котельной, сейчас – почтальон.

По работе приходится общаться с людьми простыми, часто грубыми, совсем далекими от поэзии. И я могла быть такой же среди них. Но стоило остаться одной – и рождались красивые строки. И всегда меня преследовала мысль, что я так написать не могла. Даже в переселение душ верить начинала.

Но теперь мне хочется верить одной истории, став-

шей семейной легендой. Мама наша, Сафонова Августа Петровна, уроженка Заводоуковского района Тюменской области, умная, образованная, уважаемая всеми женщина, тоже писала стихи. Отец не понимал этого. А её кроткий характер не мог ему противостоять. И её талант не шагнул дальше черновиков, скрывааемых даже от нас. Впрочем, знали мы, дети, об этом, но занятые своими проблемами, относились невнимательно. Незадолго до своей смерти мама мне рассказала:

– Знаешь, Алушка, почему ты стихи пишешь, наверное? Я ведь в детстве, юности тоже стихами увлекалась! А когда за отца замуж вышла, он запретил мне это. А я не могла без стихов... Это потом, когда дети пошли один за другим, не до стихов стало. А когда я еще тобой – первой, беременна была, я мысленно, чтобы отец не знал, стихи декламировала постоянно. Вот тебе это и передалось.

Почему бы и нет? Никто из моих сестер и братьев поэзией не увлекается. Может, и в самом деле, мои стихи – это не рожденные стихи мамы?

После её смерти мы нашли несколько черновиков на клочках газет, старых конвертах... И я думаю, если суждено будет выйти когда-то моей книге, она не может выйти без этих маминых последних стихов...

Замкнутость – черта из детства так и осталась во мне на всю жизнь, мешая общению с людьми. Но судьба не всегда была зла, преподнося мне подарки в виде встреч с такими людьми, как историк-этнограф по народам Севера Наталья Новикова, венгерка Ева Шмидт, журналистка Галина Федорова. Немало стихов живет благодаря им.

Много мне дало общение с А. Н. Хомяковым – директором Учинского музея, и особенно с О. А. Кошмановой – моим вдохновителем и «толкачом». И вот в 1999 году мои стихи входят в книгу «Коренные и малочисленные народы Севера и Сибири. Руководство по исследованию». В 2002 году – в сборник «Зеркало Кондинских вод». В 2004 году – в книгу «Навечно в памяти народной».

В 2002 году приняла участие в конкурсе в г. Урае «Рифма – 2002 г.» и, войдя в число победителей, я получила возможность печататься в Урайских сборниках. «Шаимские находки» и «Урайские горизонты» уже стоят на моей полке.

Так же после конкурса я стала постоянным гостем класса поэзии, организованным в г. Урае при школе иностранных языков её директором Л. И. Либовым.

И уже в последние месяцы – знакомство и общение с поэтом-бардом г. Урая Сашей Матаевым (уроженцем п. Кондинское), организатором литературного объединения.

Жаль, мама не дожидая до этого. Мама, твоя мечта живет...!

А. Копьева, 2004 год.

ОБЕЛИСКИ НАД КОНДОЙ

Посвящается землякам-кондинцам, участникам Великой Отечественной войны

Оставили след свой те годы лихие
Годами не гаснувшей скорбью людской.
Стоят обелиски над мирной Россией.
Стоят обелиски над тихой Кондой.

Шел год сорок первый. И в летнюю пору
Жил жизнью обычной кондинский народ:
Ловили рыбешку в прохладных озерах,
Сажали нехитрый в тайге огород.

Кивали ромашки ветрам головою,
Июньской улыбкой приветствуя день,
Когда не то плачем, не то жутким воем
Наполнились улицы всех деревень.

Война! Кто родился позднее намного,
Тому, может быть, не понять до конца,
Какой безысходностью, болью, тревогой,
С родными прощаясь, кричали сердца.

Всего два часа им давалось на сборы,
На все завершение прерванных дел.
У берега катер с урчащим мотором,
И даже не каждый проститься успел.

Тяжелые баржи тянулись Кондою,
И лодки тащились в пункт сбора рекой.

Безусые парни прощались с тайгой,
Слезу мужики утирали рукой.

Как вынесли женщины наши всё это!
Мужские заботы на плечи легли.
Пахали, охотились... ждали ответа...
Как редко, как долго сюда письма шли...

Скажу вам, недаром сказанья и были
Писались еще про былинные дни.
И те, кто с мечом к нам на Русь приходили,
Всегда от меча погибали они.

Стояла страна против силы нечистой.
Печально гудела метелью тайга.
За дело святое – свободу Отчизны
Сибирские парни крушили врага.

Героем был каждый. И насмерть стояли,
Вздохнуть ни на час не давая врагу!
И, падая, знали, они защищали
Свой дом и детей, и родную тайгу.

В дома сиротевшие шли похоронки.
Кровавым был путь до победной весны.
И были деревни в кондинской сторонке,
Куда ни один не вернулся с войны.

Притихшие избы. И дети. И жёны.
И в траурной рамке родное лицо,
А сколько осталось детей нерождённых.
У этих ушедших до срока отцов...

Годами негаснувшей скорбью людскою
Оставила след на земле свой война,
И помнит Конда своих славных героев.
В граните навеки все их имена.

Сверкают в ромашках утрами росинки.
Ветра молодые гудят над тайгой.
Стоят обелиски над мирной Россией.
Стоят обелиски над тихой Кондой.

Ложатся цветы у подножья гранита.
И плещется в берег печально Конда.
Никто не забыт и ничто не забыто!
В сердцах земляков вы живёте всегда!

2003

Обелиски Кондинского района: Чантырья, Евра,
Половинка, Ягодный, Луговой, Междуреченский,
Шугур, Болчары, Кондинское.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

Здесь все цвело. Здесь все тянулось к солнцу.
Здесь пели птицы, утро разбудив.
Смотрелась ель в озерное оконце,
Шумел кедрач, величен и красив.
Здесь лось бродил, примяв ногой травинки.
Здесь заяц грыз в осиннике кору.
Вдруг человек прошел лесной тропинкой,
Устал. Присел к веселому костру.
Он отдохнул. Он дальше в путь собрался.
Небрежно притоптав ногой костер.
А безобидный уголек, что тлеть остался,
К березам руки жаркие простер.
Лес просыпался, расправляя плечи,
Рассвету радуюсь. Но вот
Не мог он знать, что утром этим
В последний раз он видит солнечный восход.
Не мог он знать, что через две минуты
Здесь лось промчит, в испуге взмыв рога,
Что звери, птицы, травы гибнуть будут...
Вы слышите?! Горит тайга!!
Вы, люди, вы – хозяева планеты,
Хозяева природы и – лесов.
Вы слышите – горит тайга, а это:
Сгорают звуки птичьих голосов,
Сгорает шелест трав и звон хвоинок,
Сгорают нерожденные дома.
Горит таинственность лесных тропинок.
И красота. И Доброта сама.
Пожар в тайге подобен войнам страшным.
Безжалостен. А ведь его могло не быть.
Не будет, если не забудет каждый
Костер после привала потушить.

1973

МОЯ КОНДА

То березок толпа, то строй сосен
Наглядеться не могут в Конду.
Сколько с нею встречала я весен.
С болью, радостью к ней я иду.

У твоих берегов, моя речка,
По весне родила меня мать.
На осиновке в детстве беспечном
Ты меня так любила качать.

В твоих водах под вечер плескалась,
И усталость с тобой – не беда.
Как рукою снимает усталость
Твоя мягкая, с тела, вода.

Я грущу, когда речка уснет,
Подо льдом свои воды храня.
Но зато по весне ледоход –
Это праздник всегда для меня.

Это радость всегда для меня –
Легкий шум проплывающих льдин.
– Здравствуй, – тихо шепчу я, – Конда, –
И касаюсь рукою воды.

Первый стих я тебе посвящала.
И не первый. Родная Конда,
Ты моим вдохновением стала
И любовью моей навсегда.

1974

* * *

В сумерках горел костер неяркий.
И звенела под твоей рукой струна.
Кто сказал, что весело с гитарой?
Мне казалось – плакала она.
Плакала о том, чему не сбыться.
И хотелось вместе с ней рыдать.
Видимо, нет трудности влюбиться,
Но труднее чувства отстоять.

1976

СЫНУ

Сейчас ты крошечный, малыш,
В кроватке маленькой лежишь,
И комната тебе огромным миром кажется.
Но утечёт в реке вода,
Пройдут дожди, пройдут года,
И тесным дом тебе родной покажется.
Пошире ты, расправив плечи,
Шагнёшь судьбе своей навстречу,
Оставив за спиной знакомое крыльцо.
И я сейчас таю мечты,
Чтоб никогда в дороге ты
От ветра встречного не закрывал лицо.
Чтоб где бы ни пришлось идти,
Ты не сворачивал с пути.
Чтоб радости и беды ты достойно нёс.
Чтобы ты край родной любил
И никогда не позабыл
Тот дом, где был рождён и рос.

1977

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Первая любовь – подснежник первый самый,
А тебе всего пятнадцать лет.
И стараешься ты скрыть от мамы,
Что милей мальчишки этого на свете нет.

Первая любовь – подснежник хрупкий, нежный.
Тянет к свету голубые лепестки.
На твоих щеках румянец свежий
От прикосновения его руки.

Пусть это прикосновение случайно,
Но как много значит для тебя оно.
Ты, столкнувшись в школе с ним нечаянно,
Думаешь о встрече с ним в кино.

Первая любовь... но как ни грустно,
Мало кто по жизни всей пронес
Это светлое, волнующее чувство,
На пути которого немало бурь и гроз.

Будешь ты любить. И вдруг не раз.
Первая любовь, как первый снег.
Но улыбка первых милых глаз
В памяти останется навек.

В памяти останется, наверно,
Как в тот год черемуха цвела.
Это потому, что он был – первый,
Это встреча с юностью была.

1977

УХОДЯЩЕЕ ЛЕТО

Вот ещё одно лето прошло.
Отцвело, отгремело, отпело.
Дождик чаще стучится в окно.
Под окном калина заалела.
И рябины раскидистой кисть
Наклонилась, тяжелая, спелая...
Лето, лето, куда ж ты, вернись,
Я ещё ничего не успела...
Мне б хотелось ещё побродить
По коврам моховым под соснами.
Погоди! Не спеши уходить,
Унося все поляны с цветами,
Уводя за собой журавлей
Косяки, лебединые стаи...
Но уж осенью веет с полей,
Ветер с тополя лист обрывает.

1978

ГРУСТНАЯ ОСЕНЬ

Журавлей на юг уносит ветер.
Желтизной закрапаны поля.
Березняк прозрачен стал и светел,
Потемнела от дождей земля.

В чаще леса смолкли птичьи трели.
Замер кедр в ожидании сна.
И моя черёмуха не верит,
Что вернётся снова к ней весна.

Грустно наклоняя загорелый стан свой,
Плачет горько каплями дождя.
И у ног её из-под земли сырой
Выглянул глазок последнего груздя...

Хочется её мне успокоить,
Но поймёт ли, грустная, слова...
Сизою тяжёлой пеленою
Неба затянулась синева.

Журавлиный клин вдали растаял,
На прощанье покачав крылом.
Только ветер, журавлиной стае
Подражая, плачет за селом.

1978

* * *

Кружится листва золотая,
Срываясь с родимых берез.
И вдаль журавлиные стаи
Уж ветер осенний понес.

В их криках тревожно-прощальных
Мне чужды слезы и боль.
Мне кажется, кедр печально
Кивает им вслед головой.

Не спорю, чудесной порою
И я это время зову,
Его восхищаюсь красою.
Откуда же грусть, почему?

О, чудная осень, не скрою,
Мне жаль увяданье полей.
Сегодня люблюсь листвою,
А завтра шагаю по ней.

Сегодня нарву на поляне
Играющий солнцем букет,
А завтра, куда не заглянешь,
Цветка ни единого нет...

И знать потому в птичьих криках
Мне чужды слезы и боль,
Как будто все это на крыльях
Уносят они с собой.

1978

ЛЮБОВЬ

Любовь хрустальна и чиста,
Порой младенчески наивна.
Она по-своему проста,
По-своему сложна и дивна.

Она как слабый огонек,
Что гаснет в легком дуновении.
Но среди жизненных дорог
Могучей может стать в мгновенье.

Любовь, как и сама весна,
Не терпит тесных стен, запретов.
Дай ей свободу, и она
Найдет тебя у края света.

И ты не думай ревновать —
Упреками любовь не смерить.
Пойми, любовь не может лгать,
Как и не терпит недоверья.

1978

* * *

Сестре Т.

Сердце замирает, в сердце грусть,
Только я гитарный слышу звон.
Если я в кого-нибудь влюблюсь,
Значит, гитаристом будет он.
И скажу ему: тебя ждала,
Только ты учти, любовь моя,
Чтоб подругой первою была
Не гитара звонкая, а я.

* * *

У рук твоих особенная сила.
Я их прикосновение люблю.
И голос твой, и взгляд твой милый
Я, как весны дыхание, ловлю.
Мне дорог каждый шаг твой,
Каждый жест твой.
Я без тебя отчаянно грущу.
А ты порой бываешь груб и жёсток,
Уверенный, что все тебе прощу.

1978

* * *

Вернись! Прошу тебя, вернись!
Рукою нежно
Моей руки и плеч коснись,
Как было прежде.
Вернись, прошу тебя, вернись,
Взгляни в глаза мне.
Так без тебя печальна жизнь –
Жизнь со слезами...

1979

* * *

Н.С.

Изменяю тебе с другим.
Я впервые тебе изменяю.
Забываю глаза твои,
Губы, волосы забываю.
Забываю любви нашей цвет,
Встречи в памяти все стираю,
Изменяю не телом, нет, –
Сердцем я тебе изменяю.
Темной ночью осенней не сплю.
Сердце рвется, тревогу тая.
Хоть его я еще не люблю,
Но прости, я уже не твоя.

1979

* * *

За днями проходят дни.
Нам светят звезды одни.
Плывет над тобой луна –
И надо мною она.
Нам каждый вечер подряд
Пылает один закат.
И даже рассвет голубой
Один между мной и тобой.
Как общего много у нас!
И... ничего подчас....

1979

* * *

Захотелось увидеть,
Захотелось вернуть...
Да наверно, уж поздно,
Да и глупо чуть-чуть.
Все давно отболело,
Зачеркнул все другой,
Только память несмело
Вдруг тревожит покой.
Что на сердце остались
Рубцы – не беда...
Ах, зачем мы расстались
С тобою тогда...?

1978

* * *

Уже от солнечных лучей
К реке сбежал с горы ручей.
Его подбадривая бег,
Растаял на пригорке снег.
В широких лужах проплыли
Уже ребячьи корабли,
И на проталинке лесной
Подснежник встретился с весной.

1978

ПОДРУГЕ ДЕТСТВА

Не сошла планета с круга,
Все идет, как шло...
Что ж ты, милая подруга,
Писем мне не шлешь?
Мы девчонками расстались –
Уходили в жизнь, –
Но друг другу обещали,
Помнишь? – не забыть.
Знаю, в жизни этой взрослой
Столь забот, тревог.
Но минутку выбрать можно
Для письма в семь строк.
В жизни все не так бывает,
Как могло бы быть.
Кто же первый обрывает
Переписки нить!?
Ведь читая эти письма
Детских лет подруг,
Словно к той поре счастливой
Прикоснешься вдруг.
Словно сбросишь ненадолго
Бремя лет с души...
Слышишь, милая подруга?
Жду ответ. Пиши.

1978

НОСТАЛЬГИЯ

Все дожди и дожди землю бьют не щадя,
Обрывая листву с тополей.
Вспоминается мне под напевы дождя
Дом родной в Половинке моей.

Там родиться и вырасти мне довелось,
Где бежит голубая Конда,
Мне милее земли повстречать не пришлось,
Где б ни быть, сердце рвется сюда.

Сквозь завесу дождя я смотрю за окно,
Но мне видится бор над Кондой,
Кедры, вросшие в тучи вершиной давно,
И над плёсом тальник молодой...

Красивы здесь поля и берез островки,
Но милее мне все же до слез
Красота моей строгой Кондинской тайги,
Где так мало веселых берез.

1983, п. Бачелино,
Ярковский район

* * *

Та женщина, что жизнь мне подарила,
Она и детям жизнь моим дала:
Ведь не было бы их улыбок милых,
Коли б она на свете не жила.

И значит так своим далеким внукам
Дарю рожденье через сына я.
Как ввысь стрела, отпущенная луком,
Летит через столетья кровь моя.

1983

НАД ТАЕЖНОЙ КОНДОЙ

*Встанут здесь города
В нежном свете сибирских дорог.
Не грусти же, Конда,
Не увянет краса берегов.
Мы у каждой сосны
На вершине зажжем по звезде
На таёжной Конде,
На таёжной Конде.*

Песня 60–70 гг.

Плачут струны гитары
Над притихшей рекой,
И слова песни старой
Не дают мне покоя,
О Кондинских просторах
Была в песне той речь.
Обещали, Конда, в ней
Тебя мы сберечь.
Обещали, что встанут
Над тобой города.
Но твои не завянут
Берега никогда.
Зажигали мы звезды
Над тобой в те года.
Отчего же печальна
Ты сегодня, Конда?
Где твоя величавая
Прежних лет красота?
Гаснут звезды и падают
В твои волны, Конда.
Вырубается, гибнет
И сгорает тайга,

Захламляются нами
Все твои берега.
И потомки далекие,
Что за нами придут,
Об урманах нехоженных
Только в книгах прочтут.
Что, Конда, с тобой будет
Через год... и потом...
Почему так живем мы:
После нас хоть потоп...

1985

* * *

Назло тебе пойду с другим.
Назло тебе в него влюблюсь.
Забуду с ним глаза твои.
Назло тебе забуду грусть.
Назло тебе я буду с ним,
Смеясь глядеть в глаза судьбе...
Ты не узнаешь, что с другим
Пошла я лишь назло тебе.

1985

МОЕЙ ПОЛОВИНКЕ

Кто окрестил тебя так ласково и чудно,
О, Половинка, милая моя!
Вдали от улиц твоих тихих, малолюдных
Всю притягательность твою узнала я...
Нельзя мне не любить тебя такую:
Ты – мое детство, юности мечты.
Я, как о друге, о тебе тоскую,
И мне ночами часто снишься ты.
Стоишь ты предо мной, как на картинке,
Глядишь с обрыва в синь речной воды –
Единственная в мире Половинка
На берегу красавицы Конды!
Ты моя радость. И моя тревога,
Мой дом родной. Печаль и боль моя.
К тебе вернутся все мои дороги,
Куда б они не увели меня.

1986

УЛОВОВ ВАМ, РЫБАКИ

Лишь только заря занялась над рекою,
Окрасив её величавую грудь,
Рыбачьи лодки одна за другою
На первую тонь потянули свой путь.
Играют с волнами икринки рассвета.
Мотора лишь гул нарушает покой,
Да рыба плеснула встревоженно где-то,
И ветер лишь тронул кусты над рекой.
И вот уже невод в глубины стремится,
Раздвинув собою таинственность вод.
Строжей рыбаков загорелые лица,
И руки вниманья полны и забот...
Чтоб рыбы довольны страна получала,
Едва отойдут по течению льды,
Плывут рыбаки от рыбачьих причалов
На всем протяжении щедрой Конды.
Приветствуют их белокрылые чайки.
Их ждут серебристые волны реки.
И строки я эти им всем посвящая,
Желаю уловов больших, рыбаки!

1987

* * *

У ветра, наверное, тоже есть дети.
Вот слышишь, бушует папаша – сам ветер.
А вот по утрам над ветвями рябин
Гудит недовольно старшой его сын.
Но если вокруг тишина и покой,
Знать, ветры к себе улетели домой.
Им вышел на смену малютка-сыночек.
В густую траву он упрятаться смог,
Он в детские игры с травой играет,
Из веток деревьев качели качает,
Чуть-чуть шелестит молодою листвою,
Пока его папа не кликнет домой.

1987

НА РОДИНЕ МОЕЙ

У родины моей озерные глаза,
Задумчивые, строгие, большие.
И волосы её – зеленые леса,
И ленты вплетены в них голубые.

На родине моей проплешины болот
Сменяются нехоженым урманом.
И селится у рек мой маленький народ,
Когда-то поклонявшийся шайтанам.

Мой маленький народ, доверчивый народ,
Не писанных народ законов чести.
Одной семьёю жил большой мансийский род,
Не зная чувства зависти иль мести.

Охотник и рыбак берег тайгу, любил.
Тайга-кормилица, и как же с ней иначе.
У кедров вековых и лиственниц просил
Здоровья и достатка, и удачи.

Таков он и теперь, пройдя через года,
Бесхитростный, с душою нараспашку.
Ты только попроси, не думая, отдаст
Тебе свою последнюю рубашку.

На родине моей поют-метут метели,
И для тепла здесь долго нет вакансий.
А где-то по тайге есть вековые ели,
Сулившие удачу людям манси.

1988

НА УЛИЦЕ

На улице, под низким хмурым небом,
Держа в руках авоськи с белым хлебом,
Со знаньем дела два степенных деда
Ведут неторопливую беседу.
О том, что им за 70 минуло,
О том, что сердце что-то давануло,
О том, что вновь паршивая погода.
Про Думу, про терпение народа,
Про то, что задержали вновь зарплату.
Про обстановку в Косово, про НАТО.
Про то, что накануне – День Победы,
Который принесли нам эти деда.
Как никому известно, этим дедам,
Какой ценой досталась нам Победа!

1988

* * *

Набросила зима на пестрый мир
Взгляд – ослепляющее покрывало.
Выносим из чулана лыжи мы
И санки, нам служившие немало.

Проложить первую лыжню спешу,
Скорее в лес, разгорячаясь бегом.
С задетой ветки осыпает вдруг
На вид пушистым, но колючим снегом.

А малыши на санках вперегон
Утюжат горку до стального блеска.
И нипочем мороз, отступит он,
Когда так весело зимой и интересно.

Свалившись неожиданно в сугроб,
Встаешь весь белый, тут и смех, и слезы.
В снегу и нос, и борода, и лоб –
Я сам теперь похож на Деда Мороза.

1989

ОБЕЛИСК

Я знаю, не было в те годы
Такого места, уголка,
Который тронуть бы забыла
Войны кровавая рука.

И если здесь, у нас, в Сибири,
Не опалило все войной,
Отсюда тоже уходили
От женских слез солдаты в бой.

Ушли, чтоб в пламя окунуться,
Родным оставить только боль.
Ушли, чтобы не всем вернуться,
Чтобы Сибирь прикрыть собой.

И все, кто был рождён позднее,
Все мы, не знавшие войны,
За все, что мы теперь имеем,
Им благодарны быть должны.

Неужто время память старит?
Но как отца забудет сын!?
И над Кондой на крутояре
Встал обелиск еще один.

И память... каменная глыба
Всем, кто к ней руку приложит,
Чуть слышно выдохнет – спасибо!
Спасибо, что я не забыт...

Цветы несите к обелискам
Не только в дни лишь красных дат.
Он каждому быть должен близким,
Отдавший жизнь за нас солдат.

1989

ЛЕТНЕЕ УТРО

С зеленой, нежною листвою
Стоят деревья, словно в дымке.
В траве, пока что не густой,
Гуляет ветер-невидимка.

Прохладой тянет от реки
И тишиной, такой заветной.
И с удочками рыбаки
Сидят здесь с самого рассвета.

Еще от утреннего сна
Не отряхнулся мой поселок.
И лишь в садах его слышна
Мне перекличка птиц веселых.

Цветов распахнуты глаза
Навстречу солнечному свету.
Блеснет росинка, как слеза...
Так здравствуй, утро! Здравствуй, лето!

1989

* * *

Травы по пояс. Сосны до неба.
И лошадиное ржанье в лугах.
Самая вкусная корочка хлеба.
Сок земляничных полей на губах.

Школьный звонок, надоевший задачник...
Как повзрослеть мне хотелось скорей!
Детство умчалось размашистой скачью,
В гривы вцепившись волшебных коней.

Низко над речкой береза склонилась,
Словно смотря в отражение своё.
Детство моё, может, ты мне приснилось?
Как далеко же ты, детство моё!

Детство далекое – мир без тревог,
Мир без забот, солнечный мир.
Детство далекое – жизни порог,
Дай прикоснуться к тебе хоть на миг.

1989

* * *

Шара земного кружение
Годы мотать мне спешит.
Но в детях – мое продолжение,
Значит, мне вечно жить.

Жизни не гаснет движение,
Жизнь начинается вновь –
Дети – моё отражение,
Радость моя и любовь!

И иногда (между прочим,
Тайну раскрою свою)
Я почему-то не в дочери –
В сыне себя узнаю.

1989

НА СВЕТЛОМ

Сосняк густой. Берез немного.
Кой-где рябина у обочин.
Бежит песчаная дорога
В следах мотоциклетных строчек.

И вдруг блеснет сквозь чащу леса,
Сквозь стену строго-стройных сосен,
Так неожиданно-чудесно
Прохлады озерковой просинь.

Еще на реках, сплошь холодных,
Сезон купанья не открыт.
А это озеро на отдых
К себе уже людей манит.

Ничем, казалось, неприметно,
Но едут и идут туда.
Его не зря назвали Светлым –
Прозрачна, как слеза, вода.

Усталость сбросишь в его воды
И вдруг подумаешь одно:
Как все ж прекрасно, что природой
Нам это озеро дано!

1990

ДОМУ РОДНОМУ

Отчий мой дом! Потемневшая крыша.
Окна ослепли от частого сада,
Где щебетание птичье я слышу.
И возле дома вся также ограда.

Я этот сад помню юным и редким.
Кисти рябины нынче в окна стучат.
Нынче черемухи гибкие ветви,
Дом обнимая, на крыше лежат.

Сад мой и дом, где прошло моё детство, —
Та беззаботных мечтаний пора...
Нет, никогда не придумают средство,
Чтобы вернуться на миг во вчера.

Ветхий мой дом! И родное крылечко
Жалобно также скрипит под ногой.
В доме всё та же громоздкая печка...
Я повзрослела, я стала другой.

Дом есть иной, что родней моим детям,
Но ж без тебя мне порой тяжело.
Все, что пришлось сотворить мне на свете, —
В стенах твоих начиналось оно.

В час испытаний, в минуты тревоги
Силу и стойкость я здесь почерпну.
Дом мой родной, после трудной дороги
Через порог твой перешагну.

1990

* * *

Возвращается птиц караван
Из чужих, хоть и теплых, стран.
И зовет их родная земля,
Их озера зовут и поля.
И летит сквозь дожди и туман,
Сквозь ветра на тот зов караван.
И уносит их память в те дни,
Где птенцами резвились они,
Где родное осталось гнездо...
Так порой нас зовет отчий дом.
Возвращается птиц караван
Из чужих, пусть приветливых, стран.
Хоть сурова родная земля,
Но моя она, слышишь, моя!

1992

РАЗЛИВ

Волны вдогон друг за другом бегут.
Всюду простор голубой.
Старой березе на берегу
Корни подмыло водой.

К самой воде наклонилась она,
Словно желая напиться.
В листьях, запутавшись пеной, волна
К старой березе ластится.

Ах, как беспечно живет волнам,
Словно они и не знают,
То, что, последние силы собрав,
Дерево берег цепляет.

Так же беспечны и мы иногда,
Заняты только собою.
Рядом пригнула кого-то беда –
Мы ему корни подмоем.

1992

* * *

Мне кем-либо часто вопрос задается:
Стихи как пишу я, как мне удается...
Но я не сумею, наверно, ответить
На этот вопрос и ни взрослым, ни детям.
Придумывать их не пыталась ни разу.
Они ко мне сами приходят и сразу.
Хватаю я ручку, какой-то листок,
Спешу записать эти несколько строк.
И кажется мне иногда вот одно:
Как будто стихи эти знала давно.
Как будто они – не моих дело рук –
Я знала. Забыла. И вспомнила вдруг.
Так старую песню порой забываешь,
Услышишь мотив – и слова вспоминаешь.

1992

ДЕФИЦИТ

*А где мне
взять такую песню...*

*А*х, где бы взять такого мужа,
Чтоб помогал бы мне во всем,
Да чтоб никто не догадался,
Что эта песенка о нем.

Чтоб каждый день со мною вместе
Коптился тоже у плиты,
Чтоб никогда не говорил мне:
«Опять не то сварила ты».

Чтобы когда придет суббота,
От стирки он не отходил,
Чтоб всю домашнюю работу
Сильней хоккея он любил.

Чтобы забыл он вдруг, навечно,
Друзей, рыбалку и вино,
Чтобы урывками от штопки
Смотрел по телеку кино,

Чтоб бегал сам по магазинам...
Ах, как бы краше был мой быт!
Но где мне взять такого мужа?
Мужья такие – дефицит!

1992

РУЧЕЙ

В голубой осоке
Ручеек таится.
Мелкий, неширокий,
Солнца он боится.

Как его лучами
Солнышко достанет,
Ручеек тот мелкий
Еще мельче станет.

1993

СЕНОКОС

Солнце палит над лугами.
Не было б нынче грозы!
Травы ложатся рядами
Из-под свистящей косы.

Ходит коса без устали
День до вечерней зари.
Словно из крепкой стали
Вылиты все косари.

Не помешай им, дождик,
Ты обходи луга.
Словно грибы без ножек,
Вырастут здесь стога.

И молодая осока,
Что хоронит ложок,
Выложит скоро высокий,
Солнцем налитый стог.

Будет зимой корова
Солнечный луг жевать,
Чтоб молока парного
Досыта всем давать.

1993

БЕРЕЗЫ

Две березы тонких у реки стоят,
Под дождем осенним, мокрые, шумят.
Две березы белых, словно две сестренки,
Родинки темнеют на стволах их тонких.
Им, березам белым, стало грустно чуть.
Вспоминают зиму и сугроб по грудь.
Вспоминают: как-то нашептал им ветер
О земле далекой и о вечном лете.
Он еще такие говорил слова:
Там всегда зеленой может быть листва...
Думают березки: мы б туда дошли,
Но к родной сторонке крепко приросли.
Да к тому ж, подумать – вечно зелен лес,
Значит, он не ведал осени чудес.
И деревья, верно, там еще бедны
Тем, что не встречали голубой весны...
Нет уж, пусть морозы, пусть звенит метель,
Сторона родная лучше всех земель.

1993

ВОРОНА НА СУКУ

По лесу слышно: тюк да тюк,
И больше ничего.
Ворона долбит старый сук,
Усевшись на него.
Сук скоро треснет, отлетит,
Но ясно нам одно:
Ведь у вороны крылья есть,
Упасть ей не дано.
Подобны мы вороне той.
Мы рубим все сплеча.
На чем стоим и чем живем,
Чем дышим мы сейчас.
Порой подумать недосуг,
Как мало мы умеем.
Мы рубим под собою сук,
А крыльев не имеем.

1995

В ВОЕНКОМАТЕ

Не протолкнуться в узком коридоре.
Комиссию проходят пацаны,
И шулки от стены и до стены.
А матерям – растерянность и горе.

Уйдут, едва распустятся березы.
И все ль вернутся, чтобы мирно жить.
Судьба мальчишек – в армии служить.
А матерям – растерянность и слезы.

В горячих точках гибнут пацаны.
Афган... Чечня... и что еще там будет?
Зачем вам убивать друг друга, люди?!
Ведь все вы матерями рождены!

1995

* * *

О. А. Кошмановой

Изучал я русскую историю,
Русским говорил я языком.
Обижался горько, если в школе
Обзывали часто остяком.

В драку лез, хотелось доказать мне,
Что как все, такой же русский я.
В те года униженная, бедная
Вымирала нация моя...

Но прошли дожди, промчались весны,
И спасибо я б теперь сказал
Тем, кто этой нации стал крестным,
Кто ей возрождаться помогал.

Да, спасибо им, что наши дети,
Не боясь, что могут осмеять,
Не в пример, как я когда-то в детстве,
Гордо утверждают: манси я!

1995

* * *

*Директору и родителю
Учинского музея Хомякову А. К.
к 5-летию юбилею музея*

Наш музей теперь уж не ребенок.
Пять годков исполнилось ему.
Но зато известен он с пеленок.
И не только по району своему.

Ведь пришла же в голову идея
Человеку, патриоту края,
О создании этого музея!
И он шел уже не отступая.

Ничего почти что ни имея,
С пустыря почти что начиная,
Пробивал дорогу для музея,
Нянчился с ним, рук не покладая.

Старый дом, приткнувшийся в сторонке,
Стал на сказку севера похожий,
Во дворе мансийские постройки
Весело глазают на прохожих...

Нянчился он, рук не покладая,
Чтобы мы не просто край любили,
Чтобы знали мы культуру края,
Помнили, как предки наши жили.

Труд огромный его руки сотворили,
Экспонатов собраны им сотни.
И директором музея утвердили
И с музеем именинник он сегодня.

А музей уж не ребенок, поглядите,
На ногах своих стоит он твердо.
И директор, как любой родитель,
На дитя своё поглядывает гордо.

10 декабря 1995 года

МОНОЛОГ МУЖИКА

Коль стало жить неважно,
К такому не привык я.
Единый выход я найду:
Куплю «пузырь» и выпью.

Я пью сегодня не за то,
Чтоб жизнь была, как прежде,
Я пью сегодня оттого,
Что потерял надежду.

Доперестраивались мы.
Куда еще похлеще!
Осталось только до суммы,
А радость – в рюмке плещет.

Той перестройкой Горбачев
Срубил меня под корень.
Давай, дружок, налей еще,
И – по колено море.

Напьюсь, и сразу мне видней,
Где черно, а где бело.
Начальству выскажу смелей,
Что в сердце наболело.

Такую речь я им толкну,
Как надо жизнь наладить,
Кого у власти посадить,
Ну, а кого – спровадить.

Подвыпив, планы строю я,
Мечтаю что-то сделать...
Вот жаль, что слушают меня
Лишь те, с кем рюмку делим.

1995

Налитый солнечным теплом,
Зовет ромашек цвет.
Желая свой украсить дом,
Мы спешно рвем букет.

Он непременно нужен нам,
О чем тут разговор.
Но подписали тем цветам
Мы смертный приговор.

Стоит в кувшине на столе,
Глаза к окну раскрыв,
Частичка солнечных полей...
Букет, ты еще жив?

1995

ФОТОГРАФИЯ СОЛДАТА

Ты как будто такой же
и уже не такой.
Шелк Российского флага
за твоею спиной.
Ты уже не мальчишка,
что из дома ушел.
Ты собой прикрываешь
флага Родины шелк.
А за флагом – друзья твои,
что оставил вчера,
Старый дом покосившийся,
мать, братишки, сестра.
А за флагом – покосы
на изгибах речных
И до боли знакомые
тропки в чащах лесных,
И в поселке родимом
предрассветная тишь...
Все, чем жил до сих пор ты,
все, что в сердце хранишь.
Ты как будто такой же
и совсем не такой...
Ведь так много осталось
за твоею спиной.

1996

НОВОГОДНИЕ ЁЛКИ

*В*от уже много лет в новогоднюю ночь
Из синтетики ёлочку я наряжаю.
И спросила однажды подросшая дочь:
Почему настоящей у нас не бывает?
Я ответила ей: «Посчитай-ка сама,
Если б к каждому году мы из лесу ёлку несли,
Ты бы в них заблудиться уже бы смогла,
Посчитай, сколько елок с тобой мы спасли».
И уже много лет в новогоднюю ночь
Из синтетики ёлочку мы наряжаем.
Пару веток еловых приносит из леса нам дочь.
И живого их запаха нам для веселья хватает.

1996

МЕТЕЛЬ

А за окном метет зима,
Снежинки стаями летают.
Сквозь белый занавес дома
На мир глядят и засыпают.

Снеговичок в снегу застыл,
По брови нахлобучив шапку.
Случайный путник получил
За ворот снежную охапку.

Плетень по пояс утонул.
Кругом видны зимы старанья.
И под крылечком пес уснул,
Не споря с ветром завываньем.

1996

* * *

Письма сыну

*Л*ишь дни рождения отгуляли,
От дома оторвал приказ.
И только ниточка из писем
С родными связывает нас.

Пишите, милые, солдату.
Он каждой строчкой дорожит.
Старайтесь письмами облегчить
Его суровый, тяжкий быт.

Всего полгода отслужили,
А впереди той службы тьма.
Но время пролетит быстрее,
Коль от письма и до письма.

1996

* * *

Из писем сына

День клонится ко сну.
И сумрак голубой
Из леса темно-синего выходит.
Команду ждем одну,
Любимую – «отбой» –
Еще один солдатский день проходит.

Еще одна зима,
Еще одна весна.
И снимем надоевшие шинели.
А дома ждут письма
И смотрят из окна,
Ведь не был почтальон уже неделю.

День клонится ко сну,
И сумрак голубой
Окутывает серые казармы.
Еще один рывок,
И будет наш «отбой»,
И мы займем гражданские плацдармы.

1996

ЖУРАВЛИ

Из писем сына

Казарма, плац, столовая,
Солдатская перловая –
Все через это как-нибудь прошли.
Придет весна – распутница,
Ручьями снег распустится,
Потянутся на север журавли.

Их провожу глазами я,
Еще на год судьба моя –
Команда, строй, наряд и полигон.
Дни у солдата длинные,
Мне б крылья журавлиные,
Я б кинулся за стаєю вдогон.

Влечет их сила странная
К земле родной из дальних стран –
Привет там передайте, журавли,
Еще на год судьба моя,
Нелегкая, солдатская...
Все через это как-нибудь прошли.

1996

МОЖЕТ, ЭТО БЫЛЬ

*Посвящается моему отцу,
Исынову Фёдору Ивановичу, и всем
жителям Конды его поколения.*

Может, это была, а может, небыль,
Может, это ветер мне шепнул:
Там, где буровые смотрят в небо,
Жил когда-то молодой вогул.
Жил с семьей безбедно и беспечно,
Сети плел, имелось и ружье,
Рыбы было много в местной речке,
И окрест водилось зверье.
На дары щедра была природа
Ягод — море. За окном — кедрач.
Беспокоясь о продлении рода,
Песнь любви там выводил косач.
Лебеди садились на озера,
Красотою радуя глаза...
И никто не знал тогда, что скоро
Над тайгой прокатится гроза.
Нет, не та гроза — дитя природы,
Вертолеты с неба упадут,
Заурчат в урманах вездеходы,
К озеру бурильщики придут.
Поначалу весело казалось,
Смех и песни, вышки в облаках,
А тайга ворчливо отзывалась
Эхом, затаившимся в логах...
Может, это была, а может, небыль,
Может, перепутал что-то ветер.

Там, где буровые смотрят в небо,
Был кедрач — остался только пепел.
Местная речушка обмелела,
Рыба не заходит уж в нее,
И не пролетает лебедь белый,
В глубь тайги спасается зверье...
Может, это была... Сама не знаю...
Может, это ветер мне шепнул...
В озеро поблекшими глазами
Грустно смотрит пожилой вогул.
Сыновья ушли на буровые.
Полтайги сгорело, плачь не плачь.
И слезинки катятся скупые,
Он теперь, как раненый косач.

1996

Годы в невозвратной дали тают.
 Что же ты печальна нынче, мать?
 Вырастают сыновья и улетают
 Из гнезда. Ничем не удержать.

Маленькими, помнится, бывало,
 Можно было дома запереть.
 Сказок о царевне им хватало.
 Да спешили мультики смотреть.

А теперь у них иные сказки.
 Им царевен модных подавай,
 И уже не детские салазки –
 Мчит их поезд в незнакомый край.

В том краю неведомо-незнаком
 Кто их пожалеет и простит,
 Кто поправит сползшее одеяло.
 Ночью у кровати посидит...

Раскрываешь старенький альбом:
 Мальчик с деревянным автоматом
 На лошадке красочной верхом,
 Мальчик, ставший нынешним солдатом.

Письма так не часто прилетают,
 Может, просто некогда писать.
 Разум это дело понимает.
 Сердце вот не хочет понимать.

1996

ДЕД И ВНУК

Фотография есть на стене –
 Дед погиб молодым под Берлином,
 Но оставил на этой земле
 Он свое продолжение – сына.

За него он в атаку ходил,
 За него в битве насмерть стоял.
 Чтобы сын в мирном времени жил,
 Чтобы сын его род продолжал.

Сын исполнил отцовский завет,
 В их роду не случился пробел,
 И уже с фотографии дед
 На подросткового внука глядел.

Нет войны, но два года служить –
 Долг святой. Мы его продолжаем,
 Почему же так сердце болит,
 Когда мы пацанов провожаем?!

С фотографии, дед, не смотри
 На того, кто погиб на войне.
 Этой ночью еще до зари
 Пал на камни в далекой Чечне.

Он хотел тоже жить и любить
 И свой род он мечтал продолжать.
 Так кого нам за это винить?
 И за что он погиб, как понять?

1997

* * *

С экранов слышим треск очередей.
Сжимаются сердца у матерей.
Ведь человеку жизнь дана, чтоб жить,
Смеяться, видеть солнце и любить,

Вновь ждать, когда распустится весна...
А там идет ужасная война.
Кровь алая на камне пролилась,
И чьей-то жизни нить оборвалась.

Герой!.. Посмертно... Он исполнил долг...
Слова... Какой для матери в них толк!...
Нет сына! С этой мыслью как смириться?
Кто сможет с матерями расплатиться...

1997

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Дом родной! Как не был я давно
У твоей околицы зеленой.
Смотрит растворенное окно
Взглядом на меня таким влюбленным.

Сыплют нежным пухом тополя.
Подросла березка в огороде.
И черёмуха, ровесница моя,
Распушилась прямо на проходе.

Старый дом! Вот вновь я, наконец,
На таком родном крыльце скрипучем.
Боже мой! Какой я был глупец,
Полагая, что где нет нас, лучше.

Лишь с годами станешь понимать.
Что милее нет родного края.
Охнув, на крыльцо шагнула мать:
«Мама, я вернулся, дорогая».

1997

О ЖИЗНИ

Детям

*Ж*изнь прожить – не по полю бродить.
Неудачи не смахнуть рукою.
Можно жизнь, наверное, сравнить
С горною бегущею рекою.

Ты плывешь? Или тебя несет?
Бьет о камни, с водопада бросит.
Кто-то руки к небу вознесет,
Милости Всевышнего попросит.

Кто-то, обессиленный борьбой,
Выпустит из рук своё весло...
Только сильный духом над водой
Держится всем напастям назло.

Пусть река не жалуется пловца
И щедр на ссадины больные.
Только тот, кто ловок до конца,
Не отдаст себя во власть стихии.

1997

МАРТ

*В*от и март на дворе.
И сосульками звонкими
Разукрашен карниз над окном.
В первой лужице
Льдинками ломкими
Забавляется солнце лучом.

Ожиданьем наполнены
Почки набухшие.
И душа ожиданьем полна.
Времена мы прожили
Не самые лучшие.
Соки вновь будоражит весна.

И уставшим от жизни
Дарует надежду.
Пережившим разлуку —
Обещает любовь.
Ну и пусть на домах
Еще кепочки снежные.
Только верится в доброе,
Светлое вновь.

1997

МОЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Учинскому музею

По-над Учиньей поле древнее
В окаймлении синих лесов.
Здесь когда-то была деревня.
От неё не осталось следов.

Но холмистое место это
Надо мною имеет власть.
Был здесь дом возле речки где-то,
Дом, в котором я родилась.

Сколько их, деревенок малых,
Жизнь упрямо сравнила с землей.
Молодых по стране раскидала,
Стариков – на бессрочный покой.

Где промышленность разрасталась,
Перебрались и мы с семьёй.
В детской памяти не осталось
Ничего о деревне той.

Я б жила и не знала доныне,
Та деревня была какой,
Но в музее она на картине
Вдруг предстала передо мной.

Смотрят избы с бугра, церквушка...
У плетней зеленеет трава...
Дорогая моя деревушка,
Значит, в памяти ты жива!

Было грустно и интересно.
И щемило в груди чуть-чуть.
Человек должен знать то место,
Где его начинался путь.

Там родители жили где-то.
Колыбельку качала мать...
Мне пред скромной картиной этой
На колени хотелось встать.

1998

* * *

Сыну Саше

Когда берешь гитару в руки ты,
В волнении трепещется душа,
И оживают робкие мечты.
Ах, до чего гитара хороша!

И струн её зазывный перезвон
Уносит твою душу на простор,
До самых звезд уносит душу он,
Когда ведешь с гитарой разговор.

1998

* * *

Тонули мы иль по теченью плыли,
В водоворотях жизни окунаясь...
Проходит жизнь, а мы еще не жили,
Все с понедельника начать пытаюсь.

1998

* * *

Поздним вечером над селом,
Воздух режа усталым крылом,
Криком души тревожа людей,
Пара белых плыла лебедей.

Осень. Птицы сбиваются в стаи.
Эти, видимо, где-то отстали.
В мутных сумерках видны едва,
Плыли два неземных существа.

Как бы ни был, устал ты иль зол –
Их полет привораживал взор,
И душа вырывалась им вслед
Улететь от забот и сует...

В мутных сумерках, видны едва,
Плыли два неземных существа.
И от грешной земли нас на миг
Оторвал их волнующий крик.

1998

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Затянуло вчера,
Потемнело вокруг,
Ветер стукнулся в крышу с разбега.
И на стылую землю
Посыпались вдруг
Хлопья белого чистого снега.

К ночи ветер устал
Разгонять облака.
Впрочем, справился с этим неплохо.
И над домом зажглась,
Мне мигая слегка,
Ясноглазая звездочка – кроха.

До чего все бело!
Из-за леса луна
Заколдованным шаром всплывает,
Смотрит, как замело,
И как фея, она
С каждой звездочкой снега играет.

А кругом тишина.
Спит поселок родной,
Убаюканный к ночи метелью.
Проплывает луна над притихшей Кондой,
Над лугами под снежной постелью.

1998

* * *

Сыну Саше

Ночка звезды рассыпала
Над притихшей землею,
Только звездочка выпала
Вдруг из звездного строя.

И к земле полетела
И исчезла, стремглав,
Но желанье успел я
На нее загадать.

Как на чудо, надеюсь
Я на звездочку ту,
Пусть она мне поможет,
Пусть исполнит мечту:

Чтобы звездочка милая,
Та, что рядом живет,
Так же верно любила,
Как люблю я её.

1998

* * *

Саше

Любимая! Прости меня за то,
Что был с тобой неловок, как на грех,
Что не посмел сказать тебе о том,
Что ты прекраснее на свете всех.

Любимая! Как много я б хотел,
Как много был тебе сказать готов!
И если я не смог иль не посмел,
То просто не нашел достойных слов.

Чтоб о любви моей к тебе сказать,
Не хватит никаких на свете фраз,
Но ты должна, любимая, понять
По взгляду любящих и верных глаз...

1998

О ДРУЖБЕ

Сыну

У тебя друзей довольно много.
Ты всегда в компании большой.
Но коль вдруг споткнешься на дороге,
Кто из них останется с тобой?

Друг не тот, застолье с кем делилось,
Кто за дружбу выпить так хотел,
А когда беда с тобой случилась,
У него своих хватило дел.

Дружба не скрепляется словами,
В верности ты другу не клянись.
Рядом друг, когда над головами
Злые тучи собирает жизнь.

Друг твои все недостатки знает,
Но, не отвернется, не уйдет.
Дружба настоящая, мужская
Никаких невзгод не признает.

Друг тебе дорогу не заступит,
Если любит девушку твою.
Даже погибая, друг уступит
Место тебе в жизненном строю.

Друг не тот, кто каждый день с тобою,
Пока ты богат, хорош собой.
Дружба проверяется порою
Не годами, а одной бедой.

1998

УЧИНСКОМУ МУЗЕЮ

Историю учим за партой –
О Ниле, о Греции, Спарте,
При этом так мало мы знаем
Историю нашего края.

Не очень-то нас это гложет,
Каким было предков житьё.
А так ведь мы с вами тоже
Когда-то уйдем в забытьё.

Чтоб этой беде не случиться,
Чтоб помнили мы и о нас,
Дано было Богом открыться
Музею о крае у нас.

Пусть Богом дано, но он создан
Трудом кропотливым людским.
Спасибо сказать нам не поздно
Всем тем, кто трудился над ним.

1998

РАССВЕТ

Где касается небо земли,
За рекой, за лугами, за лесом,
День грядущий полоской зари
Разрывает ночную завесу.

Неизменно одну за другой
Гасит звезды уставшая ночь.
Там за лугом, за лесом, рекой
Полумрак изгоняется прочь.

И туман, словно призрак седой,
Из низин выплывает, клубясь,
Расстилаясь над тихой Кондой
И росой на травы ложась.

Там, где сосны касаются туч,
Где повиснул обрыв над рекой,
Заиграл первый солнечный луч
И рассеял туман над водой.

Оживляется птиц пересвист,
Лепестки моют в рощах цветы,
Каждый куст, каждый маленький лист
Рады солнцу и жизни... А ты...?

Если тяжесть в душе есть твоей,
Нет покоя и радости нет –
Не забудь, что за мраком ночей
Все равно наступает рассвет.

1999

КОНДИНСКИЙ КРАЙ

Есть на планете уголок,
Что мне дороже, чем иные,
Где между лентами дорог
Лежат озера голубые,
Где сосны стали, как в строю,
Волну кондинскую сторожат.
Кто побывает в том краю,
Забыть его уже не сможет.

Припев: Таёжный край Кондинский мой,
Хоть ты суров, но сердцу милый.
Своею строгою красой
Очаровать любого в силах.

Народ с открытою душой
Давно трудом его прославил.
Не только строгою красой,
Но и богатством край тот славен.
Мечтатель, труженик, поэт,
Моё он сердце согревает,
Я уверяю вас, что нет
Нигде чудесней в мире края.

Припев.

Кому-то нравятся поля,
Иной влюблен в моря и горы...
Моя Кондинская земля!
Мои таёжные просторы!
Моё признание в любви,
Пусть неуклюжее немного,
Но я, ты только позови,
К тебе вернусь с любой дороги.

Припев.

1999

НОЧИ БЕСПОКОЙНЫЕ

Где уж тут и отдых, и покой!
Чуть вздремнешь и вновь лежишь без сна.
В окна любопытною кумой
Бледная тарашится луна.

Завывает ветер за окном.
Ждешь ты припозднившегося сына.
Веткою в тепло стучится в дом
Тонкая озябшая рябина.

Слушаешь, не скрипнет ль тихо дверь.
Скажет он, войдя, такой упрямый:
«Мама, я не маленький теперь.
Глупо изводить себя так, мама».

1999

* * *

Ух, какую метелицу
Вдруг февраль к нам занес.
Завывает и стелется
Под ногами, как пес.

И щекотит и колется,
Обжигая лицо.
И стучится и ломится
В окна и на крыльцо.

С тополиных, играючи,
Веток делает сор.
И бежит, припеваючи,
В огород на простор.

И сугробы волнистые
Там выводит сама,
Небо серое, мглистое
Придавило дома.

1999

* * *

Спит земля, за трудный день уставшая.
Только вот не спится что-то мне.
Как собака, друга потерявшая,
Завывает ветер в вышине.

Что-то вдруг сегодня мысли нудные
Лезут роем в голову мою.
Непутевую, отсюда – трудную,
Жизнь перебираю я свою.

Где была права, где ошибалась,
Где сама судьба была жестока...
Истина, ты часто открывалась
Людям, но, увы, не у истока!

1999

* * *

Смотрю в глаза и невозможно
Не утонуть в их глубине.
А иногда вдруг так тревожно
За нас с тобою станет мне:
Вдруг жизнь с тобой нас раскидает,
И ты меня устанешь ждать...
Быть может, зря я так страдаю.
Боюсь тебя я потерять.

1999

ЩЕДРОЕ ЛЕТО

С травой легкий ветер шепчется,
С листвою заводит разговор.
Ромашки – маленькие солнышки
В голубизну таращат взор.

Мы в лес идем. Конечно, он уже
Грибочков первых нам припас.
А земляники спелой бусинки
Так и зовут к поклону нас...

И на привале меж корзинками
Устроим скромный перекус.
Бурундучок, в корнях запутавшись,
Услышит огуречный хруст.

Пучок редиски, лук зелененький,
Нагретый солнцем, терпкий квас.
А над поляною незримая
Пичуга звонко дразнит нас.

Ах, лето, яркое и щедрое,
Согреешь и накормишь всех.
Зимою часто вспоминается
Твое ауканье и смех.

1999

ОДА ПОРТФЕЛЮ

Портфель мой старый, рваный,
О, кем ты был порой!
И в драках ты на равных
Участвовал со мной.

Быть стулом приходилось,
Походным рюкзаком,
Мячом и шайбой был ты,
С рыбалкою знаком.

С веселых зимних горок
Возил меня немало.
Вот только для «пятерок»
В нем места не хватало.

1999

ВЫПУСКНИКУ

Нестрел сентябрь в классе на столе
Цветами для любимых педагогов,
А ты в том самом ярком сентябре
Впервые стал у школьного порога.

Учитель улыбался так светло,
Счастливой пожелав дороги к свету.
С тех пор годов немало утекло,
И было все: и горечь и победы.

Проказничать ты мог еще вчера.
Гудела ульем школа в перемены.
И юности серьезная пора
Здесь детству твоему пришла на смену.

Учителю «спасибо» скажешь ты,
И сердце так неровно встрепенется,
Тая в себе о будущем мечты,
И горечь, что такое не вернется.

Сегодня светлый праздник для тебя.
Ты вновь стоишь у школьного порога.
Желают вновь тебе учителя
Счастливой в жизни, правильной дороги.

1999

Отчего сегодня все смеются
И нарядны? Истина проста.
Мы сегодня в руки получаем
Документ великий – аттестат.

С нами вместе радуется лето.
Легкий ветерок душист и свеж.
Это наша первая победа
И серьезный жизненный рубеж.

Все нас с той победой поздравляют.
Радостью лучатся все глаза.
Только отчего-то набегает
На глаза непрошенно слеза.

Это праздник грусти или счастья?
Разобраться в этом все трудней.
Даже наш директор слёзы прячет,
Позабыв о строгости своей.

Этот праздник грустный и веселый.
Кто не скроет слёзы – ну и пусть.
Радость, что окончили мы школу.
И от расставанья с нею – грусть.

1999

ПРОЩАНИЕ СО ШКОЛОЙ

Вот вновь ручьи по склонам отшумели,
Весну июнь спровадил со двора.
Так быстро наши годы пролетели.
Со школой расставаться нам пора.

Но мы о ней с любовью будем помнить.
Сюда нас малышами привели.
И в этом классе, в этой самой школе,
Быть может, годы лучшие прошли.

И хоть для нас сегодня тоже праздник,
Украдкой мы слезу смахнем рукой.
Нарядный и счастливый первоклассник
Звонок последний дарит нам с тобой.

Остался позади экзамен трудный,
Напутствия родных, учителей.
Мы в мир уходим взрослый, многолюдный.
И этот мир – экзамен посложней.

Так пусть же все, чему нас научили,
В дороге выручает нас всегда.
Ведь что бы мы когда-то ни свершили,
Начало брало в школьные года.

Как быстро наше детство промелькнуло,
Прощай, родной 11 класс.
Но сколько б зим и весен ни минуло,
Ты в памяти останешься у нас.

1999

ИЩУ ТЕБЯ

Странно устроена память людская!
Сколько воды утекло с того мая...
Только она вдруг откроет окно
В то, что, казалось, забыто давно.
Вижу в окне этом яр и Конду я.
Вижу, конечно, себя молодую.
Волны, берущие к берегу курс,
И самоходку с названием «УРС».
Город Урай трубы скрыл за грядой.
Вижу тебя... ты такой молодой.
Нас познакомила эта «УРС-3».
Сколько ночей не спалось до зари!
Много ли общего было меж нами?
Ты, как и я, увлекался стихами...
Что это было? Любовь или дружба?
Но мы расстались. Знать, так было нужно.
Просто погрелись вдвоем у огня.
Путь же был свой у тебя... у меня...
Но вот спустя лет почти 25
Вдруг захотелось хотя бы узнать,
Как же судьба твоя сложилась, друг?
Может, услышишь, откликнешься вдруг.

1999

* * *

Современная жизнь такая:
Кто слабее – тот вечно бит.
И мораль у нее простая:
Кто ухватит кусок – тот сыт.

Ну, а мы – парадоксов дети,
Совесть нам мешает хватать.
Вот и крутимся на рассвете,
Не дает тебе голод спать.

Ну, а коль, усыпивши совесть,
Тот кусок удастся рвануть,
Продолжается та же повесть –
Тут уж совесть не даст уснуть.

1999

* * *

На отмели реки у переката
Над камушками рябь воды дрожит.
Разливом там заброшенный когда-то,
Огромный и корявый пенёк лежит.

Над ним не раз сидела, поджидала,
Пока на лодку ставили мотор.
И вот однажды чудо увидела,
Не замечала как-то до тех пор.

На мертвом пне, давно закаменевшем,
В разлапье сильных некогда корней,
В таком уютном гнездышке замшевшем
Проклюнулась березка. Рядом с ней,

Открывшись солнцу летнему упрямо,
Едва над мшистым бугорком видна,
Как подобает той породе – прямо –
Топорщилась иголками сосна.

Их семена, какой беспутный ветер
Занес на старый пенёк среди воды?
Они стояли – радостные дети,
Им не дано предчувствие беды...

Причуды жизни иногда жестоки.
Поправить что-то можно, поспешив:
Мои деревья пьют живые соки,
Земле родной судьбу свою вручив.

1999

У ШАМАНСКОГО КАМНЯ

Шкнулась носом моторка в берег,
Закачало траву волнами.
Вышли мы на ковер разноцветья.
Где-то здесь он, шаманский камень.

Раздвигая траву руками,
Мы искали камень вокруг.
Он играл будто в прятки с нами,
А затем нам открылся вдруг.

Вот он! Камень, загадки таящий,
В земляной неглубокой нише,
Древний камень, легенды хранящий,
Мы с поклоном к тебе, ты слышишь?

Мудрый камень, шаманский камень!
На веку сколько слышал ты!
Плач тайги. И репрессий пламя.
Слезы вдов. И побед цветы.

Сколько судеб тебе известно.
С болью, с радостью к тебе шли.
Вот и мы посетили место –
Место духов мансийской земли.

Ты прости, обрусели мы слишком
И обычаи плохо знаем,
Хоть земля, на которой лежишь ты,
Это наша земля, родная.

Но ладони к тебе приложив,
Мы, ее непутевые дети,
Говорим: уголка дороже
Не сыскать на большой планете.

1999

Идут года. Звенят капли,
Иль вновь мелькает снежный пух.
А все же жизнь – это качели:
То вверх, то вниз – захватит дух.

Жизнь беспокойная такая.
От напряжения бросит в дрожь.
Упавши, поднимусь, я знаю,
Затоверху паденья ждешь.

Идут года, метут метели.
Покой за деньги не купить.
И все качаются качели...
А как иначе можно жить?!

1999

СИБИРИ

Сибирь! Родная! Ты в любом обличье
Зимою ли, весной ли хороша!
Твою величину, твое величие
Воспела не одна влюбленная душа.

Позволь и мне в любви тебе признаться,
Пусть среди иных чуть слышен голос мой.
Тобой не перестану восхищаться,
Пока живу, любовь живет со мной.

Да как не преклониться пред тобою,
Когда от ковылей степной земли
До самого студеного прибоя
Владения раскинулись твои.

Богатый край – сибирские просторы,
Великий он, что в даль, что в ширь.
Через Уральские холмы и горы
Шагает слава о тебе, Сибирь.

Здесь часто, предвещая непогоду,
Поет бродяга-ветер над тайгой,
И вышки нефтяные небосвода
Касаются упрямой головой.

Могучих рек извилистые вены,
Немеренный размах тайги глухой.
Из твоего чарующего плена
Не вырвется, кто встретится с тобой.

И щедростью ты славилась своею
С седых времен и до текущих дней.
Накормишь и укроешь, и согреешь,
Сибирь родная, ты своих детей.

Давала многим в годы ты лихие
Приют, моя суровая земля.
Ты – главное сокровище России!
И я горжусь, что дочь Сибири я!

1999

* * *

✓ Облака купаются в воде.
Ветер в соснах зацепился песней.
Расскажи мне, если сможешь, где
Можно встретить край еще чудесней?

Над водой склоняется тальник,
От воды в тайгу бежит дорога.
Там к сосне доверчиво приник
Тонкий ствол осинки-недотроги.

Там березы в родинках живут,
Чередуясь с ельником туманным.
Вновь дорога выйдет на Конду,
В луг зеленый с ароматом пряным.

В зелень луга вплетены цветы.
Разыгрались над водой стрекозы.
Мир необъяснимой красоты!
Можно ли здесь думать только прозой?!

1999

РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Мы живем на земле, на привычной, родимой,
По которой нас мамы за ручку водили,
А затем, провожая в дорогу, вещали,
Чтобы мы их наказ, берегли, не теряли.
Чтоб куда ни кидала нас жизнь иль дорога,
Возвращались мы все же к родному порогу,
Возвращались к клочку той бесценной земли,
Куда корни отцов навсегда проросли.
В этом – смысл бытия, в этом сущность одна –
В свою землю вращать, оставлять семена,
И хоть малую толику делать за то,
Чтоб земля и детей согревала потом.
И пусть жизнь не проста, пусть не сахар, не мед,
Пусть порой покоробит, немного пригнет,
Но ведь мы на земле на родимой своей.
Где растили нас мамы, где растим мы детей.
Где родная земля силы жизни даёт.
Значит, выстоим мы, значит, нас не согнет.
Значит, вырастут дети, дадут семена...
В этом — смысл бытия, в этом — сущность одна.

1999

ПРОСТИТЕ, ВЕТЕРАНЫ!

Давно затихли залпы и раскаты
Войны, что отгремела в ту весну.
Но снятся сны тревожные солдатам.
Солдатам, отстоявшим ту войну.
Им снятся переправы и высоты.
Товарищи, что с битвы не пришли,
И, закрывая огненные доты,
Для будущего Родину спасли.

Простите, дорогие ветераны,
За эти кровоточащие раны,
За то, что вам порой тревожно спится
И в сердце боль за нашу жизнь гнездится.
Простите, что порой вам трудно жить,
Простите, если можно то простить.

Они прошли войну за то, чтоб детям
Тех залпов не услышать в тишине.
Так почему тогда мальчишки эти
В Афгане гибли, падали в Чечне?
Давно над нами мирные закаты
И мирные рассветы над страной.
А где-то также в бой идут солдаты
И умирают на земле чужой.

Простите, дорогие ветераны,
За эти кровоточащие раны,
За всю несправедливость в этом свете,
За то, что погибали где-то дети,
За то, что вышло внукам погибать,
Простите, если можно то простить.

1999

ЖЕНЩИНЕ-МАТЕРИ

Вот женщина на горизонт далекий
Устало смотрит из окна.
Ей Богом самая нелегкая,
Но миссия великая дана.

Быть матерью, быть жизни продолжением,
Хранителем семейного огня.
Я преклоняю перед ней колени,
Пред той, что мир открыла для меня!

Склонялась по ночам над колыбелькой,
Чтобы дыханье жизни в ней ловить,
Счастливой самой от улыбки первой,
От лепета, от шага крохи быть.

И первая отметка, первая любовь –
Триумф побед и горечь поражений –
Все женщина переживает вновь
С детьми. Ее в них продолженье!

Сложив устало ласковые руки,
С улыбкою в окно она глядит.
А там давно уже резвятся внуки,
И значит, жизнь на месте не стоит.

1999

С НОВЫМ ГОДОМ!

Этот праздник
В сверкающих ярких одеждах
Нам всегда приносил
И приносит надежды.
И так хочется все,
Что нам портит погоду,
Без усилий оставить
Минувшему году.
И шагнуть в Новый год,
Словно в новую жизнь...
А вот будет ли так,
Дед Мороз, нам скажи?!

Новый год!
Пусть не гор золотых и не рая —
Новых сил и здоровья
Вам, люди, желаю!
Пусть приходят в ваш дом
И любовь, и покой.
Пусть он будет для вас,
Словно рай небольшой.
И еще вам желаю
Совета да дружбы,
И детей всем на диво,
Примерных, послушных,
И поменьше разлук,
И побольше свиданий.
Да исполнятся
Добрые ваши желанья!

1999

* * *

Мужчина с копьём и на крепком коне,
Ах, если б с картины шагнул он ко мне!
В то давнее время их было не счесть,
Мужчин, почитавших отвагу и честь,

Мужчин, что поспорить решались с судьбой,
Прикрыть, кто слабее, умели собой...
Ну, где же теперь вы, мужчины, мужчины?
Быть может, за женские прячетесь спины?

И где ваша слава и где ваша честь?
Все больше встречаешь бахвальство и спесь,
Все меньше для вас остается святого,
Все легче на ветер кидаете слово...

Да, знаю, и ныне достойные есть,
Но можно, наверное, их перечесть.
А, может, их больше в седле на коне?
И просто они не встречаются мне?

1999

* * *

За окошком март-задира
Застучал капелью вновь.
На окошке кот-проньера
Замурлыкал про любовь.

Лижет солнышко сугробы,
Расстелив асфальтом наст.
И сиянье первой пробы
Ослепляет всюду нас.

Звонко падают сосульки.
Почки пухнут после сна.
Пусть года мои несутся,
Но душа весны полна!

1999

* * *

В жизни, чтоб предательства не знать,
Лучше никому не доверять.

Чтоб не обижаться на друзей,
Лучше никогда их не иметь.

Чтоб в любви измен не пережить,
Лучше не страдать и не любить.

Будь как лед, как скальная стена.
Правда, будет жизнь твоя скучна...

1999

* * *

Есть, кроме родного порога,
У многих такой уголок,
Который судьба иль дорога
На краткий давали нам срок.

Туда, где Тавда свои воды
В Тобол своенравный несет,
Меня сквозь прошедшие годы
Упрямая память влечёт.

Я лица друзей вспоминаю,
И в душу крадется тепло.
Теперь я их вряд ли узнаю,
Ведь столько воды утекло.

А память упрямо не хочет
Оставить былое. И вот
Я вижу поселок рабочий
Средь старых проток и болот.

Бараки, старинные избы.
Такой разношерстный народ
С различными судьбами, их здесь
Собрал к себе лесозавод.

Тобольские строгие сосны,
Но чаще – поля и луга,
Березы, разливы по веснам
Тобола, что знал Ермака.

Поселок со странным названием,
Далекое Бачелино!
О, как мне хотелось узнать бы,
Как там поживает оно!?

1999

Девочка была красой приметна.
Весела, заносчива подчас.
И немало сохло безответно
Неплохих ребят по ней у нас.

Нравился мне смех её задорный...
И прямой, открытый взгляд её.
И характер гордый, непокорный...
А природа требует своё...

Вот и подвернулся ей парнишка,
Вышла замуж. Дом теперь, семья.
Времени прошло не так уж слишком,
Встретив, не узнал девчонку я.

Пусть черты лица остались те же.
И такой же цвет её волос.
Где же тот заносчивый взгляд прежний?
Где же гордо вздернутый тот нос?

Словно надломлена березка,
Редко уж смеется, не поёт.
Спрашиваю: «Как тебе живется?»
Пряча вздох, мне отвечает: «Пьет...»

1999

СМЕРТЬ ЦВЕТКА

Люди пышный букет
К юбилею несли.
Уронили цветок
На дороге в пыли.
Солнце щедро палит,
И воды ни глотка.
Вот уж чья-то его
Придавила нога.
И цветок тот,
Что клумбу
Вчера украшал,
Незамеченный, жалкий,
В пыли умирал.
Ему грезился дождь,
Как живая вода.
Как жестока бывает
Судьба иногда!
Ветер крикнул, да поздно:
«Могу ль я помочь?» –
Уж спустилась к цветку
Бесконечная ночь...

1999

В ТАПУ

О. А. Кошмановой

Средь извилистых стариц, протоков
Спрятан он от недоброго глаза.
Отыскать так непросто его,
Если ты не бывал в нем ни разу.

Едем мы на урчащей моторке.
Поворот. Вот еще поворот
А за ним удивленному взгляду,
Как из сказки, картина встает.

Там высокий обрывистый берег,
Там с зеленым отливом вода,
Из-под крыш там приветливо смотрят
Два десятка домов в два ряда.

Поросли все тропинки травой,
И в крапиве плетень утонул.
Сколько зелени там! И покоя!
Там любой бы душой отдохнул!

Там до кромки соснового леса
Колыхается море цветов.
В этой странной деревне давно уж
Не живет постоянно никто.

Участь брошенных деревень!
Их уход в небытие нам знаком.
Ну, а там – занавески в окне –
И едва ль не у каждого дома.

И пусть жителей тоже давно
Жизнь-судьба по земле раскидала,
Их к себе, когда лето придет,
Старый Тап собирает немало.

А зимой в нем живут рыбаки –
Тоже корни из этой деревни.
Вот и мы побывали в гостях,
Поклонившись земле этой древней.

Повалялись в цветочных полянах,
Ощущая земли той магнит,
Побывали у камня-шамана,
Что мансийские тайны хранит...

Здесь сейчас в нашем мире суетном
Все метели давно замели,
Но я чувствую, взяли мы летом
Сил у древней, волшебной земли.

1999

ПЕРВЫЙ АПРЕЛЬ – НИКОМУ НЕ ВЕРЬ

(Песенка)

Слушайте, знакомые, друзья,
Расскажу историю вам я.
Верьте или нет,
Но вам мой совет,
Слушайте внимательно меня.

Как-то я поехал на Конду,
Лунку прорубил я там во льду.
Вытащил язя,
Обхватить нельзя,
То ль на радость, то ли на беду.

Обомлел, его увидев, я,
Золотом горела чешуя.
Верьте или нет,
Но мой вам совет,
Слушайте внимательно меня!

Человечьим голосом сказал,
Чтобы я желание загадал.
Господи ты мой!
Я стою немой,
Речи дар от страха потерял.

Но желание все же загадал.
Долго исполнения я ждал,
Но не повезло,
В день тот, как назло,
Был апрель и первое число.

Такова история моя.
Рыбке золотой поверил я.
Верите иль нет,
Но мой вам совет:
Верьте в свои силы лишь, друзья!

1999

ХОЗЯИН ЛЕСА

Сыну Жене

Одну историю, друзья,
Вам рассказать хочу.
Шагал по лесу как-то я
К знакомому ручью.

Рюкзак большой принял к плечам,
По пояс весь в резине.
А за плечами в такт шагам
Две удочки пружинят.

С рассветом я пришел к ручью,
Закинул леску с кручи.
Костер изладил комарью,
Чтобы дымил получше.

Денек погожий Бог мне дал.
Резвилась рыба где-то.
Я там сидел и задремал,
Лучами разогретый.

Вдруг надо мною человек
Какой-то наклонился.
Из-под полуоткрытых век
Я видел – не приснился.

Глаза серьезные его
Смотрели с интересом.
Лица коснулось моего
Дыханье луга, леса.

Он волосат довольно был,
Высок, могучий ростом.
Словами он не говорил –
Проник мне в душу просто.

Он дал понять, как мы к лесам
Безжалостны порою.
И понял я – хозяин сам
Явился предо мною.

И выбор пал – он дал понять –
Его вдруг на меня:
Я должен лесу помогать
И боль тайги понять.

Он дал понять: погибнет лес –
Несдобровать и нам.
И растворился вдруг, исчез
Хозяин леса сам...

Костер затух. Проснулся я.
Комарики поют.
И по течению реки
Две удочки плывут.

А на сосенке молодой,
Где шишечки цветут,
Клочок волос прилип, седой, –
Он не был раньше тут.

И долго думал я потом,
Где явь тут, а где сон?

И если сон, то как тогда
Клочок оставил он?

Так ничего не разгадав,
Вернулся я домой.
Но знаю точно, что он прав,
Хозяин леса мой.

Будь то во сне иль наяву,
Я помню его речь.
И знаю, что, пока живу,
Я должен лес беречь.

1999

ВДОЛЬ УЧИНЫИ-РЕКИ

Учинскому музею

Бреду одна вдоль тихой речки.
Глазами незабудок светится тропа.
День угасает. Из-за леса вечер
Крадется. Воздух травами пропах.

И дебри папоротника густые
Колышет легким ветерком.
Здесь милые сердцу самые простые
Картины. Каждый уголок знаком.

Здесь все моё. Родное. Травы, речка
И незабудок светлые глаза.
И этот лес, таинственный и вечный.
И ручеёк, прозрачный, как слеза.

Остановлюсь. Коснусь колючей ветки.
И вдруг услышу через толщу лет
Далёкий зов своих ушедших предков.
И травы колыхнутся им в ответ.

Я знаю, здесь начал моих начало,
Места святы. Учинья-река,
Твоя вода когда-то отражала
В руках с острой меткой рыбака.

Охотников я слышу где-то крики.
Их копыта, словно молнии, быстры.
Я вижу между лиственниц великих
Мелькают поселенья костры.

Там в гулкий разыгравшийся свой бубен
Шаман колотит, злое прочь гоня.
Там древние, мои родные люди
Сквозь толщу лет приветствуют меня.

Я им кричу, машу из здешней были,
Хочу прорваться через сотни лет,
Чтобы узнать, как жили, как любили,
Как защищались от невзгод и бед.

Как выживать детей своих учили,
Как к ночи убаюкивали их...
Вам те же звезды, что и мне, светили.
И это все – заря начал моих...

Немало было поселений древних
По Учинье, где берег крут, и лес
К воде прохладной выпустил деревья.
И затаил историю тех мест...

Места мои родные! Лес и речка,
И этот луг, и красота полей!
Проходят поколения, но вечной
Ты будешь, заповедная земля!

1999

ВРЕМЕНА ГОДА

ЯНВАРЬ

Только пессимистам кажется все прежним.
Нам январь приносит новые надежды.
И пускай Крещенья лютуют морозы,
И пускай на окнах снежные мимозы,
И удача скрыта пеленою мгlistой –
Мы полны надежды, мы же оптимисты.

ФЕВРАЛЬ

Февраль заявился к нам
Ветреным гостем.
Последыш, поскребыш,
Зимы куцый хвостик.

МАРТ

Подступает все смелее
Март к владениям зимы.
Тяжелеет и темнеет
Снег. Зброшены пимы.
А зима грозит метелью,
Все границ не отдает.
И за звонкою капелью
Стужа звонкая идет.
Всем понятно – убывают
Ныне силы у зимы.
А она все завывает:
«Доставайте вновь пимы!»

АПРЕЛЬ

Вот март прошел капелью праздной,
Отбарабанив по завалинке сполна.
И по земли лохмотьям грязным
Шагает победителем весна.
Ручьи в логах с веселым шумом гонит,
Деревьям дарит щедро жизни сок.
На речке лёд и ухаает, и стонет –
Не за горами ледохода срок:
Свободно, наконец, река вздыхает,
Освобождая волны от оков.
Толкаясь, дружно льдины проплывают
Вдоль бурых по-апрельски берегов.

МАЙ

Первым ливнем и первой грозой,
Дымкой сада, черемухи снегом,
По Сибири идет молодой
Май, окутанный ласковой негой.
Одуванчиков солнечный цвет
Разбежался по взгоркам прогретым.
Ляжет первый неброский букет
На порог долгожданного лета.

ИЮНЬ

И незаметно, и неслышно
На землю теплую ступив,
Июнь на смену мая вышел,
Цветок ромашки наклонив...
Ах, лето, ты полно работы!
Ты требуешь немало сил!
Считает лето беззаботным
Лишь только, кто в селе не жил.

ИЮЛЬ

*Д*ень с ночью ходят еще рядом,
В лугах, встречаясь, расходясь.
Клубника прячется на грядках,
Багровой сочностью дразнясь.
И знойный день росой подправив
Или слегка дождем смочив,
Июль прошел по разнотравью,
Покосы начисто побрив.

АВГУСТ

*А*вгуст. Беспокойная пора.
И хоть дождик нам грозит с небес,
Словно кто-то гонит со двора,
Словно чья-то сила тянет в лес.
С верхом все корзинки, туески,
А в душе еще полно азарта.
«Эй, ау, кончайте, грибники,

Что-нибудь оставьте хоть на завтра».
А назавтра – на губах черно.
А потом бруснику рвешь горстями.
Августа зазывное вино
Разливает лес перед гостями.

СЕНТЯБРЬ

*С*ентябрь. Вновь уроки и отметки.
Сентябрь. Урожай, спеша, снимаем.
Копаясь в огороде, не заметишь,
Что осени пожар в лесу пылает.
Тропинки перекрыты паутиной.
Дрожат под солнцем капельки дождя.
И прелую листву слегка раздвинув,
Выглядывает кепочка груздя.

ОКТАБРЬ

*Т*ы идешь по листве умирающей,
Ты шуршишь пожелтевшей травой,
Машешь вслед журавлям улетающим,
Расстилаешь туман над водой.
По утрам избы в изморось красишь,
Часто сыплешь унылым дождем.
Ты, октябрь, все дороги расквасил.
Мы морозов теперь уже ждем.

НОЯБРЬ

То дождь, то снег, то гололёд.
На тихих реках тонкий лед.
Все реже в тучах неба просинь.
Как надоедлива ты, осень!

ДЕКАБРЬ

Наконец-то зима на дворе.
Настоящая! Больше не стает!
То-то радости детворе,
То-то горки она обкатает!
Ну, а мы больше прозой живем.
Все в делах, все в заботах, в тревоге.
Новый год потихонечку ждем.
Строим планы, подводим итоги.
Рассыпаются планы порой,
От итогов – ночами не спится.
Год за годом с тобой
В январь открываем страницу.

1999

УРАЮ

Средь лесов и болот
На таежной реке,
От удобных железных
Дорог вдалеке,
Где метели поют,
Иногда даже в май,
Вырос город-красавец
С названием Урай.

Его ехали строить
Из степей и с Урала.
И тайга пред такими
Людьми отступала.
Удивлялся напору
Суровый наш край.
Расцветал, хорошел
Над Кондою Урай.

Город юности нашей
И наших надежд –
Ты великой страны
Кладовая.
Вместе с нефтью и газом
По трубам бежит,
Растекается слава Урая.

Так поклон тебе,
Город таежный Урай!
Мы горды, что
Сроднились с тобою.
Ты живи, хорошей,
Богатей, расцветай,
Славный город
Над тихой Кондою!

2000

ЗАПАХ ВЕСНЫ

Клубится парок голубой
От солнцем нагретых подворий.
О том, что запахло весной,
Сорока трещит на заборе.

А чем она пахнет, скажи?
Капелью, звенящей до ночи?
Ручьем, что так шумно бежит?
Смолою разбуженных почек?

Надеждою пахнет она,
Мечтою манящей, далекой...
«Весна! На подходе весна», –
Трещит на заборе сорока.

2000

К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ДИРЕКТОРА УЧИНСКОГО МУЗЕЯ А.Н. ХОМЯКОВА И 10-ЛЕТИЮ МУЗЕЯ

Когда жизнь уныло течет,
И дело тебя не влечет,
Ты можешь и лет в 45
Себя стариком посчитать.
Но коль не знаком вам покой,
Да спорится все под рукой,
И 70 – разве года,
Покуда душа молода!

А жизнь ведь нелегкой была,
Семья, где ты рос – не мала.
Уходит на фронт твой отец.
Ты – старший. И детству конец.
Еще бы резвиться, играть.
Но нужно семью поднимать.
И это не сказка, не бред:
В 13 мальчишеских лет.
В мужицкий впрягаешься воз,
Идешь на работу в колхоз.
Да, много мальчишек тогда
В войной опаленных годах
До срока расстались с детством.
Такое вот было наследство.

Отцов, что война позвала.
Советчицей, другом была
Всегда и во всем тебе мать.
Могла поддержать и понять.

Побольше б таких матерей,
Взрастивших таких вот детей!

А жизнь – педагог еще тот.
Освоил ты много работ:
Рыбачил и бондарем был,
И печи клал, и пилил.
И писарь... бухгалтерский счет...
Везде уважение, почет.
Любил ты ту землю, где жил!
Вот в армии ты отслужил.
Три года, как сон пролетели.
Тебя там оставить хотели,
Условия все предложили...
Но болен ты был ностальгией,
Тоскою по краю родному,
По тихой Конде и по дому....

И вновь здесь рыбалка, колхоз,
Затем перешел ты в лесхоз.
И 20 лет был лесником.
Отмечен почетным значком.
А годы летели, летели.
Росли твои дети, выросли.
Семья вновь была не мала.
И жизнь не из легких была.
Летели стремительно годы.
Ушел на заслуженный отдых.
Но как человек, патриот,
Без дела не мог ты. И вот...

Как будто кто-то свыше подсказал,
Что нужно, чтобы памятник стоял,

Тем землякам, ушедшим на войну,
Кондинцам, жизнь отдавшим за страну,
За матерей, детей и за тайгу...
И вырос обелиск на берегу.
И память в нем не только о войне,
В нем память и создателю – тебе.

Создатель! Человек! И Патриот!
Он без идей и часа не живет.
Минуты не живет он без идей,
И дело рук его – теперь уже музей.
Не ради денег, славы иль награды
Искал он сам музею экспонаты.
А кто-то косо глянет иль со смехом:
– Зачем все это надо человеку!?
Что ж, каждый по себе судить все скор!
Но рос музей всему наперекор.
Рос, силу набирал музей и славу.
И мы сегодня празднуем на славу
Твое десятилетие, музей!
И твой создатель, так же юбилей!
Ровесник округа, почетный гражданин,
Земли Югорской нашей верный сын,
Музею он – хозяин и отец...
И ведь его идеям не конец...

2000

* * *

Солнышко сквозь тюлевые шторы
Просочилось в комнату ко мне.
И детеныш радуги веселый
Заплясал на беленой стене.

За окном сосульки нависают.
И глаза до боли снег слепит.
Это март уж у ворот гуляет,
А зима сдаваться не хочет.

Вдруг опять, несносная, завывала,
Закачала тополь в вышине.
Править тебе времени хватило,
Дай уж похозяйничать весне!

2000

* * *

Февраль, сироткой брошенной,
Заплакал, зарыдал.
Дорогами, дорожками
Поземку раскидал.

То ветер свищет в улицах,
То сердится мороз.
Ну что же так беснуешься,
Ты, зимний куцый хвост?

2000

* * *

О. А. Кошмановой

Зачем родится человек на свет?
Кто на вопрос тот не искал ответ!
Чтобы, пройдя отмеренный нам путь,
Вновь в небыль раствориться, ускользнуть?

Зачем приходит человек на свет?
Чтобы какой-то свой оставить след:
В стихах, делах, в открытиях, детях –
Чтоб жизнь не прекращалась на планете.

Мы – звездочки одной большой Вселенной.
Вот только кто-то в жизни просто тлеет.
А кто-то яркою звездой пылает,
Идущих рядом сердцем согревает.

2000

* * *

Увы, полжизни даже прожив,
Мы на котят слепых похожи:
Что ждет за поворотом, мы гадаем.
И для чего нам жизнь дана, не знаем.
Что мы всего лишь гости, забываем.

Как краток человека жизни путь.
Едва-едва поймал, казалось, суть,
Едва-едва слепой увидел свет,
Всего лишь миг – и вот держать ответ,

2000

Ночь прокралась из-за кромки леса,
Выкатив над лесом лунный диск.
Ветер, непоседа и повеса,
Переходит с шепота на свист.

Раскачав высокие антенны,
За поземкой гонит по прямой.
Вдоль дороги снеговые стены
Сказочно искрятся под луной.

Спят дома в сугробах необъятных.
Не смыкают глаз лишь до зари,
Азбукой сигнала непонятной,
На столбах гудящих фонари.

Утром непоседа и повеса
Справился с бессонницей своей.
И стоят у самой кромки леса
Пирамиды дремлющих елей.

2000

С. Ч.

О Югорской земле эту песню пою,
Я родился и рос в этом чудном краю.
Колыбельную часто мне пела пурга
И учителем строгим была мне тайга.

О Югорской земле и пою, и пишу.
О Конде, что бежит, торопясь, к Иртышу.
О величии моей необъятной земли,
О богатствах, что в недрах её залегли.

И о людях Югры спеть сейчас я хочу.
Тех, которым суровость её по плечу,
Тех, кто вышки поднял до небесных высот,
Города возвели средь тайги и болот.

Я прекрасной земле эту песню дарю,
На которой живу, и дышу, и творю.
Чтобы ты расцветал, богател, хочу я,
Край Югорский родной, я частичка твоя.

2000

* * *

*А. Н. Хомякову,
Л. И. Либову*

Сказал Великий неспроста,
Что мир спасет лишь красота.
И Вам, наш дорогой Учитель,
Организатор. Вдохновитель
И Человек с душой прекрасной,
Не мимоходом – это ясно.
Так пусть средь пасмурной стихии
Родятся светлые стихи,
И пишутся среди рутины
Неповторимые картины,
И вызывают гаммы чувств
Музеи, выставки искусств.
И лучик этой красоты
Прибавит людям доброты.

2000

С НОВЫМ ВЕКОМ!

Бьют куранты на башне московской,
И искрится с шампанским фужер.
Год 2000 осторожно
По планете шагает уже.

Год 2000! Что нам несешь ты?
Чем порадуешь, чем огорчишь?
Понаделаешь новых вопросов
Или старые разрешишь?

Верно, каждый с глотками искринок
Загадает желанья свои:
Каждый хочет удачи и мира,
И достатка в семье, и любви.

Ночь в окно, запущенное снегом,
Смотрит к нам и веселья желает.
С Новым годом, друзья! С новым веком!
Пусть надежда вам жить помогает!

Пусть удача стучится в ворота!
Пусть исполнятся ваши мечты!
Год 2000! Пусть поворотным
Будешь в сторону добрую ты!

2000

КАРНАВАЛ

Мигнув приветливой звездой,
Царицей зала встала елка.
Под разноцветной мишурой
Едва видны ее иголки.

Сегодня пляшут и поют
Под елкой сказки всего света.
Друзей с трудом я узнаю —
В Кошечье вдруг признал соседа.

Вот царская проплыла дочь.
А это кто же под вуалью?
Кого не встретишь в эту ночь
На новогоднем карнавале?!

А я тебя одну ищу.
В каком наряде ты, не знаю.
Только себе я не прощу,
Коли тебя вдруг не узнаю.

Но ты навстречу мне идешь:
О, красота! С ума сойти!
А сверху сыплет, сыплет дождь
Из разноцветных конфетти.

2000

ПУШКИНУ

О, сколько б еще написал
Стихов, всему миру известных,
Когда б он на снег не упал,
Сраженный рукою Дантеса!

Но он не расстанется с нами.
Пусть сердце поэта молчит,
А кот с золотыми цепями
Нам сказки его говорит:

О глупом царе, о Людмиле,
Что злобный унес Черномор,
О русской немереной силе,
Везде побеждающей зло,

О доброй волшебнице няне —
Неграмотной мудрой старушке...
Давайте поэта помянем
По-русски... Эй, где же та кружка?

2000

Памяти матери

В домике уютном женщина седая
 Песню про сыночка тихо напевает.
 А в глазах грустинка, только что не плачет
 «Серая лошадка в чистом поле скачет...»

Одиноко старой в домике уютном.
 Слышно, на крылечке скрипнуло как будто.
 Может, это дети, в гости спешають?
 Слушает старушка, песню прерывая.

«Нет, шагов знакомых там не слышно, кажись,
 Я их понимаю, у детей своя жизнь».
 Это только ветер у крылечка плачет.
 «Серая лошадка в чистом поле скачет...»

2002

МОЯ ОСЕНЬ

*Ж*елтизной отплакали березы,
 Вдалеке затихли журавли –
 Улетели к югу от морозов,
 И тепло на крыльях унесли.

Осень, ты моя подруга, осень!
 На лугах уныния печать.
 Мне уже давно не двадцать восемь,
 Седину не стоит и считать.

И птенцов моих по разным гнездам
 Жизнь-судьба, как должно, разнесла.
 И теперь лишь больно, да и поздно
 Сожалеть, коль что не додала.

Осень, ты моя подруга, осень!
 Опустел мой дом, как этот лес.
 Мне уже давно не двадцать восемь.
 Не бывает осенью чудес.

Жизнь мне так нечасто улыбалась,
 Но была когда-то и весна!
 Значит, я так много ошибалась,
 Что осталась пред зимой одна.

Осень, ты моя подруга, осень!
 Кто бы понял, кто бы разделил...
 Мне уже давно не двадцать восемь,
 И не так уж много в сердце сил...

16.02.2002

БЕЛЫЕ КРАСКИ

Каруселью кружит белая зима,
В снежно-белой дымке съжились дома,
Белые сугробы, горизонт белёс,
И на окнах белым написал мороз.

Белые березы – изморозь в ветвях,
И по белой горке – детвора в санях,
Вышел дед к воротам – белые пимы...
Сколько белой краски много у зимы!

2002

* * *

Покатилась звезда и упала
За снега, за тайгу, в самый мрак.
Вот еще одной мамы не стало,
В это верить не хочется так.

И в смятении, и в грусти минуты
Приклониться к кому головой,
Я – сама мать, но все ж почему-то
Ощутила себя сиротой.

Я не часто просила совета.
Мы не часто видались с тобой,
Но лишь то, что ты есть, мама, где-то
В жизни силы давало порой.

А тебя уже, мама, не стало.
Как не хочется мне в это верить.
И смятение в душе, и усталость.
И твои глухо заперты двери.

Ноябрь, 2002

ЦЕЛУЙТЕ РУКИ МАТЕРЕЙ

Цветы дарите матерям,
С краев к ним мчитесь дальних,
Целуйте руки, не боясь
Вдруг выглядеть банально.

Все, чем имеешь, – оглянись –
Ты матери обязан.
Не замечаешь, но всю жизнь
С ней пуповиной связан.

Метровка жизненной тропы
Не так длинна, все знают.
Ах, как же в жизни мы скупы
На ласку и признанья.

Порою пара нежных фраз
Сильней таблеток лечит.
Смотри, на небе след погас
Звезды упавшей чьей-то...

Дарите матерям цветы,
Почаще будьте с ними.
Спешат нас поддержать они,
А сами так ранимы.

Целуйте руки без конца,
Не бойтесь поклониться.
Их терпеливые сердца
Для вас лишь могут биться.

Декабрь, 2002

* * *

Всю ночь просился ветер в дом,
Стуча в окно иль дверь,
То тихо плача под окном,
Беснуясь то, как зверь,

Грозился крышу оторвать,
Ворваться сверху к нам,
Березку у крыльца сломать
И много чего там....

А утром, как побитый пес,
Ушел за лес, ворча,
Ядреный солнечный мороз
Оставив сгоряча.

Декабрь, 2002

ВНУКАМ

Зима лютует за окном.
Мой внук рисует за столом.
Рисует все машины
Мой маленький мужчина.
Мой первый внук, моя же кровь,
Моя забота и любовь.
Смотрю за ним и чуть грущу,
Свои черты я в нем ищу.
Рисует он беспечно.
И в жизни бесконечность.
Я верить начинаю,
Кирилла обнимая...
Прочь все старания зимы! –
Во внуках повторимся мы.

2002

* * *

Веретешко юркое –
Пухленькие ручки.
На забаву бабушкам
Подрастает внучка.

Разметались локоны
По плечам пушисто,
По полу затопали
Ножки быстро-быстро.

Приглашает бабушку
Вместе побежать.
Ну, куда уж, Настенька,
Мне тебя догнать!

Бегай, моё солнышко,
Только не болей!
Бабушкам в помощницы
Подрастай скорей!

2002

* * *

Как мало человеку надо!
Лишь несколько приветных слов,
И цвести в душе уж райским садом
Оазис радости готов...

Как мало человеку надо.
Ведь тоже всего пару фраз,
Чтобы оазис того сада
В пустыню превратился враз.

2002

* * *

Который день стоит мороз!
Ртуть снизилась прилично.
На улицу не сунешь нос,
Не спрятав в рукавичку.

Трещат заборы, провода
Гудят так возмущенно,
С той стороны, где спит Конда,
Ветра летят студено.

Смотрю с надеждой на дымы,
Что с крыши к югу рвутся,
Когда надумают они
На север развернуться?

2002

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Паутина врезалась в лицо.
Значит, это осень за оградой.
Вот и опустился на крыльцо
Первый пожелтевший лист из сада.
Лето, ты короткое, как жизнь.
Сколько планов вновь не состоялось.
Зарядили нудные дожди,
В душу поселившие усталость.
Вечером гадаем на закат,
День какой на завтра он пророчит.
Все длиннее, все темней стоят
Мокрые сентябрьские ночи.

2002

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Как я люблю тебя, поселок мой!
И в этом признаюсь я непременно.
Сейчас зима. А ты всегда зимой
В сугробах пышных тонешь по колено.

В пушистых шапках серые дома.
Ах, за ночь снега навалило много!
По главной улице, что как стрела пряма,
Трудыга-грейдер проложил дорогу.

В одну весну с тобой мы родились.
Старею я, ты хорошеешь только.
Даже зимой идет на стройках жизнь,
Глянь, новых зданий появилось сколько!

Как ты красив, поселок мой родной!
Раскинувшийся по Конды увалам.
Когда ты краше – летом иль зимой –
Я это не пойму уж лет немало.

Судьба моя, судьба родных моих
С тобою связана, сибирская глубинка!
И эти строки, этот скромный стих,
Тебе я посвящаю, Половинка!

2002

* * *

Проблемы, нехватки,
И этак всю жизнь.
С судьбою несладкой
Крепись да держись.
За чьи расплатиться
Должна я грехи?
Одно лишь неплохо,
Что льются стихи.
Нехитрые строки
Дают передышку,
Иначе бы сделалось
Сердце ледышкой.
Проблемы, печали...
А жизнь коротка.
Неужто не будет
И счастья глотка?

2002

* * *

Всю жизнь мне хотелось убогих
Поднять, обогреть, поддержать.
Сама же сбивалась с дороги
Я, сил не сумев рассчитать.

Всю жизнь не умела просить я,
Мне проще казалось отдать.
Боялась людей подвести я,
Меня же могли предавать.

Всю жизнь ошибалась я в людях,
Я жить не умела... Как грустно.
Все думалось, где-нибудь будет
Спокойное тихое русло.

2002

МАМА

Горбится черемуха в поклоне,
Веткой дотянувшись до окна.
Но окно не светит в этом доме.
Нет давно хозяйки. Где она?

Сиротливо скрипнуло крылечко.
Дверь меня впустила в дом родной.
Пусто на прилавке возле печки
И не пахнет в кухоньке стряпней,

И родной такой, знакомый самый
Голос вдруг не спросит: ты пришла?
Ты, казалось, вечно будешь, мама...
Вон твои сапожки у стола.

Вон твои любимые картины,
На окне цветов слегка поник,
На столе громоздком и старинном
Недовязанный тобою половик...

Все, как будто ты недавно вышла,
Все здесь знает ласку твоих рук.
Мама, мама, как же это вышло,
Что оставить все решила вдруг?!

Руки твои праздности не знали.
Не любила праздных ты утех.
Дети вот нечасто навещали...
Понимала – семьи ведь у всех.

Но ждала. Вот сядешь у окошка.
Выйдешь на крыльцо с ведром в руке.
Белая у ног потрется кошка.
Ты – в фуфайке, выцветшем платке.

Господи, какая безысходность!
Не поправить, не вернуть все вспять.
В спальне полутемной и холодной
Сиротой стоит твоя кровать...

Как бываем редко с матерями,
Все в проблемах путаясь своих.
Люди, пока мамы еще с вами,
Невниманьем не обидьте их!

2002

ПОМИНАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Мама, мама! Ты нас собрала,
Всех своих детей, как в детстве было.
Восемь судеб. Два твоих крыла.
Бугорок земли под снегом стылый.

Мама, мама! Как ты тут без нас?
Может быть, озябли руки, плечи?
Или это правда: свет погас,
А душа живая будет вечно.

Схлынут поминальные заботы,
Примет жизнь обычные черты,
Только с высоты души полета
Нас теперь уж видеть будешь ты...

24 ноября 2002

* * *

В печи трещат дрова сухие.
Вот так бы и сидеть часами,
Смотреть в огонь, писать стихи...
Но я шагаю за дровами.

А у крыльца поют метели,
Циклон их с севера принёс.
Проныра-ветер во все щели
Засунет любопытный нос,

Берёзу, как простую вичку,
Шутя, раскачивает, гнёт.
Проказник вырвал рукавичку,
В сугроб забросил, в огород.

И я за нею пробираюсь,
На валенки штанины натянув.
И сразу детство вспоминаю,
Его сугробов глубину.

И как мы, мокрые, под вечер
К ворчанью мамы заявлялись,
На русской необъятной печке
Шептались, сохли и смеялись.

2003

СПАСИБО, ГЕНКА!

Впервые лето без покоса –
Разливы, не было травы.
Сказал мне сын, ему все просто:
«Ну, уберем корову мы...»

Шутили горько – будет много
Зимой пельменей и котлет,
Я в стайке думала с тревогой:
«Не уберу корову, нет!»

Как продержу, еще не знаю.
Но просто знаю – не убрать.
Кто скот держал, тот понимает,
Как можно к Зорькам привыкать.

И вроде к молоку не очень...
Ведь дети взрослые давно.
И устаю я, между прочим,
Не молодая. Все равно.

Я чуть обиделась на сына,
Ему так просто вот сказать:
«Сейчас все купишь в магазине,
Зачем корову нам держать?»

А может, он и прав немного:
«Вот ты бы отдохнула, мать,
А у тебя одна дорога,
Доить да стайку подскребать».

Не в молоке и не в навозе
Тут дело. Что уж объяснять...
Кто скот держал, понять тот может,
Как можно к Зорькам привыкать...

...Все хорошо. Теперь до лета
Траву ей досыта жевать.
И городскому свояку за это
«Спасибо» я должна сказать.

Такого сена моя Зорька
Не пробовала до сих дней.
В нем ароматов лета столько!
Что там осока да пырей!

С лугов тюменских благодатных
Травой я угощать её могу.
Спасибо, Генка! Неприятно
Вот только чувствовать себя в долгу.

2003

Не властные мы в жизненном походе
Над временем. И так спешат года.
И больно так, когда от нас уходят
Нам дорогие люди навсегда.

Мы в тридцать лет теперь еще не знаем.
А с сорока приходится считать,
О, сколько самых нужных провожала,
Способных научить и поддержать.

Да, жизненный поход так быстротечен.
Да, мы пока не властны над годами.
И я молю, родные, пусть не вечно,
Но оставайтесь дольше рядом с нами.

Январь, 2003

Было время, я писала
Для себя любой свой стих.
Было время, я считала –
Людам не до них.

От чужих свои тетрадки
Прятала я глаз.
Что же вдруг переменилось
Для меня сейчас?

Может, кто-то и с презреньем
Мне посмотрит вслед,
Скажет, надо же, нашлася...
Тоже мне, поэт...

Но уж пусть читают люди.
Может, хоть одну
Стих мой спящую разбудит
Добрую струну.

Пусть я людям не открою
Истину и суть.
Может, просто мир светлее
Станет хоть чуть-чуть...

2003

* * *

Сердце болит за детей,
Достигнувших взрослости бремя.
Боже, пойми их, согрей
В наше нелепое время!

Время, где больше важны
Волчьи законы и хватка:
Кто наверху, те сильны
Лгать и хитрить без оглядки,

Где равнодушия сила
Сушит людские сердца.
Глупая, я их учила
Сказочным верить концам...

2003

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Как же так случилось,
Через двадцать лет
Общего меж нами
Совершенно нет,

Что все эти годы –
Не судьба, а крах,
Будто говорили
На разных языках.

Как же так случилось,
Как я так могла,
Что же за любовь я
В прошлом приняла?

А быть может, просто
Был тот год лихой,
И в слепом отчаянии
Я пошла с тобой.

Думала, наверное,
Только поддержи.
Вышло – сам не можешь
Без поддержки жить.

И все двадцать долгих –
Мне полвека скоро –
Я уже устала
Быть всегда упорной.

2003

РАЗГОВОР С МЕТЕЛЬЮ

А где, интересно, ночуют метели,
Откуда в поселок они прилетели?
Пусть могут три дня над землей куролесить,
По веткам, заборам снега поразвесить,
Следы и дороги сравнять, замести,
Под двери метровый сугроб наскрести.
И песни горланить всю ночь напролет.
Но где их, уставших, пристанище ждет?

Одна оглянулась: – Тебе не известно?
В тайге, в самой гуще елового леса
Есть домик из снега в глубоком логу.
Дорогу туда показать не могу.
Дорогу туда не найти, заметаем,
Сюда мы на белых крылах прилетаем.
Мы любим шалить и баюкать друг друга,
Но матушка, белая строгая вьюга,
Нам дома шалить не дает до сих пор,
Летим от неё мы сюда на простор!!
– Летом? А где вы бываете летом? –
– О! Это, прости уж, секреты, секреты...

2003

ЧУЖИЕ

Как я ни билась, ни пыталась,
Но близкой я тебе не стала,
Я сил своих не рассчитала.
И я устала, я устала.

Моей души понять настрой
Не захотел. Ну, Бог с тобой.
Живем в квартире мы одной.
Чужая я. И ты чужой.

Судьба ко мне, зачем ты зла.
Уж лучше б просто развела.
Давно бы от тебя ушла.
Не отпускаешь, вот дела.

Когда-нибудь я все ж смогу,
И бросив все, я убегу.
С тобой мне, как озноб в снегу,
Как на пустынном берегу.

Не хочешь ты себя менять,
Не прекращаешь пить, гулять,
Вот только не могу понять,
Как жить ты будешь без меня.

2003

ПЛАНЕТА-МАТЬ

Как хочется порою ей стряхнуть
С себя своих мучителей упорных
И раны зализать и отдохнуть.
И новый день начать и новый путь
Без взрывов, без дымов над миром черных!

Как хочется спокойных ей ночей!
Без слез, без стонов, без тревог, без крови!
Она еще пестит своих детей,
Надеется на разум их идей,
И что победа будет за Любовью.

Мы матерями рождены, чтобы дерзать,
Но созидать и чтить всех матерей терпенье.
И есть у всех одна планета-мать,
Пред ней колени стоит преклонить,
А не терзать её в бездушном рвении.

Мы рождены, чтоб украшать её
И в мире пониманья сеять зерна.
Она одна – пристанище твое.
Послушай, как душа её поёт
С надеждою на жизнь без пятен черных.

Февраль, 2003

* * *

Поселок вверх дымами устремился.
Знать, вновь мороз с утра на нас озлился.
Конечно. Ведь его обида жжет,
С того, что ждем уже весны приход.
Лютуй уж, белоусый, напоследок,
Пока весна не празднует Победу.

2003

* * *

Скорей, скорей проснись.
Проснись и улыбнись.
Постелью ты успеешь насладиться.
Подруга и сестра,
Наверно, нам пора
Душою у природы полечиться.

Проснись, моя душа,
Смотри, как хороша
На улице январская погода.
Смотри на край небес,
Какой стоит там лес,
Границей у земли и небосвода.

А помнишь, в летний день,
Когда в награду – тень,
Мы до Кулацких омутов помчались.
Урчал Куксы «УАЗ»

В машине было нас,
Что странно, как мы там и помещались.

Извилиста, узка,
Речушка глубока
Среди завалов путь себе пробила.
И с удочкой в руке
Спускались мы к реке,
Я ж больше у костра сидеть любила.

А помнишь, мы с тобой
Тогда забыли соль,
Не побежишь за нею ты из леса.
Но пили мы на мху
Ту странную уху,
Она была вкусней деликатесов...

Но лето далеко,
А сердцу не легко
Цивилизации налет копить и стрессов.
И вот среди зимы
Все чаще, чаще мы
Поглядываем на полоску леса...

Зовет к себе тайга
И лезем сквозь снега.
И снимет лес душевную усталость.
Кому-нибудь смешно, –
Не молоды давно.
Знать что-то в нас от предков и осталось.

2003

КОЛДОВСТВО

Сестре Татьяне

Пусть говорят, что глупо это,
Но до чего же любим мы,
Оставив дома мир суетный,
Собраться в лес среди зимы.

Пусть говорят, что там лишь снег
И сон, и зябко ветры дуют.
Не каждый знает человек –
Деревья зимние колдуют.

В замороженной тишине,
На лапах с пышной бахромой
Они несут тебе и мне
Такой немыслимый покой,

Что кажутся, ничтожны вдруг
Вчерашние обиды, ссоры,
И откровенность вдруг в ходу,
Поверишь здесь – в лесу, которой.

Сидим у жалкого костра,
Сучки и ветки экономим.
Так величава и стара,
Ель тянет к нам свои ладони.

И получив добра заряд,
Благодарим страну лесную –
Пусть говорят, деревья спят
Зимой. Но мы-то знаем, что колдуют.

И вновь, когда рутина быта
Начнет усталостью давить,
Сбежим мы в эту самобытность,
Где смогут нас подзарядить.

Ноябрь, 2003

Во мне будто два человека живут
И спорят они, вот беда.
Один говорит, что на помощь идут
Любому во всем и всегда.

Другой называет его простаком,
Кричит, что таким быть нельзя.
«Останешься ты нагишом, босиком,
И то не заметят друзья».

Один убеждает, что все-таки есть
В миру справедливость – ищи.
Другой говорит, в мире зла не пречесть,
Таким пропадешь, не взыщи.

Один говорит – без доверия-то как,
Надсадно в душе одному.
Другой отвечает: ты просто дурак,
Счас верить нельзя никому.

Терзают меня, и все спорят они.
И прав то ль один, то ль другой?
То мчатся, то тащатся ночи и дни.
А я... остаюсь я собой.

2003

РЕКА МОЕГО ДЕТСТВА

Зеленый цвет её воды
Стоит сейчас пред глазами.
Левый приток нашей Конды.
И Ушанатская – название.

Отец охотился, косил,
Давал в заливах часто тони,
Нередко рыбу там коптил,
На зиму ягоды готовил.

Уж ягоды вся детвора
С отцом, конечно, собирали.
И даж подруг мы со двора
С собою часто в речку брали.

Везет мотор, урчит надсадно,
Кедровка кренится слегка,
И мимо нас плывут обратно,
В воде, качаясь, берега.

А повороты там лихи,
Река вся – заворот сплошной.
Летают уток косяки
Между моторкой и травой.

Речушка узкая совсем,
До берегов рукой подать.
Взревет мотор, траву задев,
И мы кричим ему подстать.

Еще сильней кричим, когда
Отец хватает вдруг весло,
Пытаясь утку оглушить,
Что близко к лодке занесло.

Не дали. Сами чуть веслом
Не заработав за геройство.
Но все живое пожалеть –
Имели мы такое свойство.

И вновь крушат нас повороты.
Кругом лишь небо да покос,
Кой-где кусты к воде спустились,
Да редкий островок берез.

Вот, наконец, места повыше,
За новым поворотом – бор.
А в нем брусники, голубики, –
Веди хоть весь поселок сбор.

На берегу встречают нас
Остатки маленькой избушки.
Мы ночевали там не раз
У детства моего речушки.

Вот помню, пляшет костерок,
Прохладу прогоняя прочь.
Вокруг костра со всех сторон
Стеной к нам подступает ночь.

Сидим мы, дети, у костра,
(До ягодника метров сто).

И спорим чуть не до утра,
У нас смелее все же кто.

Отец давно уж задремал,
Закутав голову в пиджак.
А каждый спорщик проверял
Свою отвагу только так:

По очереди с кружкой шли
До ягодной поляны той,
Брусники горсточку несли,
Безмерно гордые собой.

Ах, детства моего речушка!
Ее зеленая вода,
Брусники спелой, крупной кружка,
Безоблачной поры года...

2003

* * *

Осадно, судьбой не владеем мы сами,
И правит в судьбе нашей случай порой.
И в мир, где живем мы, приходим гостями.
Уходим однажды куда мы? Домой?

И что ожидает в той вечной квартире?
И сколько отпущено здесь погостить?
Смириться не просто: я гость в этом мире?!
Уж пусть квартирант, если можно им быть.

Смахнули и вымели мусор за гостем.
Порой даже вслед. Нет, я так не хочу!
За жизнь мою, дней моих путаных гроздь,
Коль я квартирант, то я заплачу.

Совсем небольшая пусть будет та плата.
Но может, когда-то в витках дальних лет,
В квитанциях старых квартирному вкладу
Отыщут праправнуки мой земной след.

2004

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Хандра накатит – так бывает –
И к трубке тянется рука.
И вот мой голос улетает
К тебе, далекому пока.
Затем из той эфирной дали,
Мне непонятной, не секрет,
Твой голос тихий, чуть печальный
Мне будет говорить в ответ...
О чем? Да ни о чем серьезном:
Стихи, стихи... и вновь стихи...
Но отступает жизни проза,
Я вновь среди родственных стихий.
И вновь в крови играет лето,
Надолго ли – неважно мне.
Как хорошо, что трубка эта
Висит в прихожей на стене.

2004

БРАТУ ВАЛЕРЕ,
ТРАГИЧЕСКИ ПОГИБШЕМУ
В 2003 ГОДУ

Прости, прости, что рядом мы не встали
В твой час последний, твой последний миг.
Прости, прости, что мы не услышали
Твой вздох последний, твой последний крик...

Ты уезжал спокойный и веселый,
Не сетуя на долю и судьбу.
Кто б мог сказать, подумать мог, что скоро
Домой вернешься в цинковом гробу.

Кого задел ты, о кого споткнулся?
Кому ты в этой жизни помешал?
Но купол неба над тобой качнулся.
И рельсы к дому без тебя спешат.

Земля тебя в объятья приняла.
Мы все когда-нибудь заснем в её объятьях.
Но как, Земля, ты дальше понесла
Тех нелюдей, что чью-то жизнь отняли.

2004

ЛЕГЕНДА О БАРДАХ

По мотивам древних легенд о кельтах.

Должна, Создатель, я тебя благодарить
За этот дар, что ты вручил мне, грешной.
Что я могу хоть что-нибудь творить.
И уж бесследно не уйду, конечно.
Да, я порой поэзией пьяна.
Но я другим завидую, простите,
Кому еще дан голос и струна.
И легче к людям слово донести.
Выводит свой гитара перезвон,
И песня прямо в душу бьет, звеня.
Завидую, кто этим одарен!
Как жаль, что не потомок барда я!
Давно-давно, в седые времена,
Когда была земля цветущим садом,
Там жили кельтов мудрых племена.
Учителя-друиды с ними рядом.
Их знаниям позавидовать бы мог
Любой землянин тех времен и этих.
И даже через времени виток
Смотреть они могли – Природы дети.
Да, равных кельтам было не найти
В материальном и духовном плане.
Вот если б людям матушки-земли
Понять, постичь богатство этих знаний!
Из кельтов тот, кто 20 лет и зим
Учился у Верховного жреца,
Мог званье барда получить и с ним
Идти в народ и исцелять сердца.
Должны их песни в души свет нести

И истину для смертных открывать,
Цветами в сердце каждом прорасти,
Цветами, что не смять и не сорвать...
Как я хотела, чтоб сей рассказ
До самого конца счастливым стал.
Но нет. На мирных кельтов как-то раз
Воинствующий римский род напал.
И в девять раз по численности силы
Их превзойти представилось врагам.
И горстка кельтов к речке отступила,
Последняя семья сражалась там.
Они стояли полукругом тесным.
За спинами их молодая мать
Кормила грудью девочку и песню
Негрустную старалась напевать.
Негрустную, чтоб девочке остались
Лишь светлые потом воспоминанья.
И имя барда ласково шептала
И улыбалась под мечей сверканьем.
Но уж на той тропе, ведущей в вечность,
Один остался воин молодой.
Они друг другу улыбнулись. К речке
Спустилась мать. Склонилась над водой.
Там маленький челнок, как колыбелька,
Качался, тихо тронутый волной.
«Дитя моё! Тебя пусть мирный берег
Спасет и приютит. Прощай. И пой.
Пой лишь о светлом, исцеляя души,
Гоня ненастья и невзгоды прочь,
Через века пусть песни будут слушать...
Ты донесешь, великих бардов дочь!»
Из рук бескровных барда-мужа

Упавший меч успела подхватить.
Часа четыре, во врагов вселяя ужас,
Не смела их к реке той подпустить,
Где дочь плыла, качаясь по волнам.
И значит, жить в веках легенда будет.
И значит, барда песнь расскажет нам
О маленьких, но столь великих людях.
Потомки бардов, дар великий сей
Вам прародители сумели передать
И петь лишь так, чтоб жизнь была светлей,
Они вам, умирая, завещали.
Потомки девочки, доверенной волнам,
Я вам завидую, я это не скрываю!
Ведь те, что на тропе остались там,
Через века ваш дар оберегают.
Вы слышите через прослойку лет?
То меч звенит, то песня донесется.
Но лишь кто сердцем, тот поймет секрет,
В потомках тоже песней отзовется.

Февраль, 2003

* * *

Всем известно, что доброе слово,
Как бальзам дорогой, душу лечит.
Отчего же мы снова и снова
Так бездумно друг друга калечим?!
Или зависти собственной рады?
Или дьявола в душах обитель?
Почему же порой тех, кто рядом,
Как врагов мы своих, ненавидим!
Забываем, увы, что крылаты
Все упавшие с уст наших фразы,
Что они непременно когда-то
Возвратятся... да вдруг еще разом...

2004

КОРАБЛИК

Высокий обрыв моей милой реки.
Внизу под обрывом сидят рыбаки.
Застыли недвижны – глаза и вода –
Лишь удочки взмахов живы иногда.
Спускаюсь к реке. Вижу камни на дне.
Кораблик качается в робкой волне.
«Послушай, кораблик, куда ты плывешь?
Чьих маленьких рук мастерство ты несешь?
И как в дальний путь пуститься рискнул?»
Бумажкою-парусом он мне махнул:
«Решайся и вместе давай поплывем,
За тем поворотом вдруг счастье найдем...»
«Наивный кораблик, тебе не понять,
Устала я счастье и звать, и искать.
Отмерено, видно, его мне чуть-чуть.
А ты, если веришь, плыви...
В добрый путь!»

2004

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОЙ БОГИНЕ

Памяти Евы Шмидт

Над тайгой беснуются метели.
В юрте полутёмной на постели
Мечется в бреду малютка-дочь –
Только чудо может ей помочь.
Жизнь едва теплится в детском теле.
Мать с отцом от горя поседели.
И отца уносят лыжи в ночь:
Дочь спасти, несчастному помочь,
В мертвого, лежащего три дня,
Жизнь вдохнуть и на ноги поднять
Может, верно, только Йивыр-най.
Только ей такая мощь дана...
Легенда кондинских народов гласит
О том, как давно в звёздноглазую ночь
Бог Пойхрыщ на грешную землю спустил
Свою солнцеликую дочь.
Великая сила была ей дана –
Богине быть самой умелой,
И храбрый мансийский народ мой она
Своим покровительством грела.
Богиня с лицом, будто Солнца восход,
С глазами озёрного цвета,
В очках, что на десять вёрст видят вперёд,
Ветрами, дождём не задета.
Где тихая Евра к Туману течёт,
Шумит где могучий кедрач,
Гнездовье своё там богиня совет
Из чистого серебра.
Она могла помочь тебе в несчастье.
Людские души были в её власти.
И если дождь короткий над тайгой,
То люди знали – это за водой.

На Воронке Богиня усакала.
 За той водой, за той живой водой,
 Что силы обессиленным давала.
 Знал каждый охотник и каждый рыбак,
 И каждая женщина знала —
 За рост и здоровье мансийских детей
 Она — Йивыр-най — отвечала.
 С верховий Конды к ней стремился народ,
 И с нижней Конды ехал он.
 На Евру-реку добрых духов своих
 Везли к Йивыр-най на поклон...
 Не зря подгоняемый горем отец
 Спешит сквозь мороз и ветрище.
 Семи куропаток где слышится смех —
 Великой Богини жилище.
 Когда он пред ней на колени припал
 В нижайшем поклоне, в слезах,
 За сорок верст в юрте у девочки спал
 Неделю державшийся жар...
 Сибирская земля с коротким летом,
 С суровой зимой, с метелью в май.
 Здесь выживал не каждый, и поэтому
 Всевыжившие знали Йивыр-най...
 Над Еврою-рекой
 Тайги разноголосье.
 Доносится крик птицы
 И трубный голос лося.
 И в изумрудных водах
 Богини отраженье...
 И в наши дни нам, верно,
 Не отыскать прощенья.
 И неудачи, верно,
 В дверях порой толпятся,
 Когда мы забываем,
 Кому нам поклоняться...

СТИХИ МОЕЙ МАТЕРИ САФОНОВОЙ АВГУСТЫ ПЕТРОВНЫ, ОБНАРУЖЕННЫЕ ПОСЛЕ ЕЁ СМЕРТИ В 2002 ГОДУ

Годы жизни:

14 сентября 1931 г. — 16 ноября 2002 г.

* * *

Жизнь человека очень коротка.
 Жил человек и миг его не стало.
 И ты старайся жить лишь только так,
 Чтоб этот миг был памятью начала.
 Живи, чтоб след остался на земле
 И не зарос, как тропочка в урмане,
 И чтоб живые, помня о тебе,
 Твой образ видели в предутреннем тумане.

* * *

В край Юргинский я вернулась,
 В те места, где родилась.
 В цвет черёмух окунулась.
 В лес манящий забралась.
 Проезжаем Шипаново,
 Впереди ждёт Лобино...
 Сердце выпрыгнуть готово,
 В пляс пуститься заодно.

* * *

Не губите деревья, не рвите цветы,
Не топчите ногами прегорькой полыни.
Все растения – основа земной красоты.
Пусть цветы украшают родные долины.
Пусть покроют тюльпаны все степи весной,
Пусть ромашки цветут у широкой дороги,
И столетние сосны сплошной стеной
Нам укрыться от ветра шального помогут.

* * *

Хороши, хороши вечера на Конде,
Когда лёгкие лодки плывут по воде,
Когда ветер чуть дышит, целуя листву,
Когда сердце не слышит печаль и тоску.
С неба яркие звёзды глядятся в Конду.
По знакомой тропинке на берег иду.
Налюбуюсь ли я на родные места!
А любовь-то моя, как и жизнь, не проста.
А любовь-то моя в сердце, в мыслях живёт,
И о крае родном звонко песни поёт...

ОСЕННЯЯ ГРУСТЬ

Играют вихри листвою осеннею,
Облетает калиновый куст.
Почитай что-нибудь из Есенина,
Чтоб развеять осеннюю грусть.
Чтобы ветром была не иссушена
Загрустившая снова душа,
Почитай ты любимого Пушкина
Повнимательней и не спеша.
Улови в слове русского гения
Твёрдость духа, готовность к борьбе,
Чтобы слышалось в осени пение,
И грустить не придётся тебе.
Не клади этот томик на полочку,
Пусть лежит у тебя на столе.
Всё равно не уснешь ты до полночи,
Как поэт в старосельском селе.

* * *

Я тебе подарю красотищу земную.
Все цветы на лугу и закат над Кондой.
Я тебе подарю тишину – тишь ночную.
Тихий шепот деревьев, излом над водой.
Я тебе подарю утром алую зорьку,
А потом подарю полный радости день.
Я тебе подарю всё моё Прикондовье.
Подарю поцелуй под бокальную звень.

Мой край труда и задушевной песни.
Мой край романтики и край чудес.
Я вижу строгие массивы леса
И вышки нефтяные до небес.
Я слышу тихое течение речек,
Богатство на просторах взглядом не в обхват,
Здесь дружба скреплена трудом навечно.
Здесь манси с русским, с украинцем брат.

Морозное серое небо
Раскинулось над головой.
Давно я в родном краю не был,
Не вёл разговоры с Кондой.
Давно не ходил по тропинкам
В суровом урманном краю,
Где нежности страстной искринки
И юность оставил свою.
Где с ветром бывало, не споря,
На лыжах вёрст сотню пройду.
А в жаркую летнюю пору
Нырну в голубую Конду.
Куда б судьбою меня ни кидало,
Я помнил извилистость милой Конды.
И больше всего моё сердце желало
Напиться её мутноватой воды.

Здравствуй, здравствуй, моя голубая
Незабытая мною Конда.
Я приехал из дальнего края,
Между нами промчались года.
Между нами промчались тревоги,
Наши радости, наши мечты.
Я стою у тебя на пороге,
И волною киваешь мне ты.
Дождь и ветер мне здесь – не преграда.
В летний зной для меня нет беды.
Жигулёвского пива не надо,
Я напьюсь мутноватой воды.
И умоюсь, вдыхая прохладу,
Ранним утром, спустившись к реке.
Не жури меня строго, не надо.
Я вернулся, вернулся к тебе.

Что значишь ты в моей судьбе, земля!
 Как ты светла под тёплым ливнем лета!
 Здесь дом родной и отчие поля.
 И тропка эта в зареве рассвета.
 Над нами облака летят издалека.
 Им больше никогда не возвратиться.
 Промчатся облака, а поле – на века.
 И в этом поле след мой сохранится.
 Какая сила породила нас
 И сердце напоила сладкой болью!
 Мой первый час и мой последний час,
 Земля родная, связаны с тобою.
 Земля моя всё краше, всё щедрей.
 Мы с ней мечтами связаны одними.
 И, может быть, колосья новых дней
 Прошепчут и мое простое имя.

К 80-ЛЕТИЮ КОНДИНСКОГО РАЙОНА

Восемьдесят лет! Совсем зелёный!
 Мой район, тебе еще расти!
 И делами всех, в тебя влюбленных,
 Богатеть на славу и цвести!
 Славиться тебе, конечно, есть чем:
 Знают лес Конды за рубежом,
 Серебро озер наших и речек,
 Золото, что черным мы зовем.
 Стройки развернулись по поселкам.
 Вот оно, район, твоё лицо!
 Если воздвигают стены школы,
 Значит, смена будет для отцов.
 Так по рекам жизни верным курсом
 Он вперед стремится, мой район.
 У штурвала Виктор Редикульцев.
 И штурвал надежно держит он.

2004

ГОЛОС БУБНА

Приходилось вам слышать хоть раз
Гулкий бубен сибирских шаманов?
Пусть в музее живет он сейчас,
Будто эхо таёжных урманов,
Пусть дана ему праздная жизнь,
Его голос все больше молчит,
Но попробуй к нему прикоснись –
Встрепенется, живым зазвучит.
Зазвучит так, что дрожь по спине,
Неземной выводя свой мотив.
В его голосе слышится мне
И печаль, и мятеж, и призыв,
Шум ветров и стенанье тайги,
Шорох трав и гул жарких костров,
И времен уходящих шаги,
И надежда грядущих годов.

2000

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ЗАРЯДКА

По заказу д/сада «Золотая рыбка»

Добрый вечер, Половинка!
Добрый вечер, люд честной!
Вас приветствует сегодня
Коллектив наш озорной.
В этот день тепла и шутки,
Смеха день и день веселья
Мы подарим вам минутки
Для зарядки настроенья.
Заряжайтесь, чтоб не гасли
Никогда улыбки ваши,
Заряжайтесь, чтоб от шуток
Жизнь была светлей и краше.
Заряжайтесь, чтоб от смеха
Только слезы выступали,
Заряжайтесь, чтоб друг друга
Словом злым не обижали,
Заряжайтесь, чтоб удача
Постучалась в ваши двери...
Заряжайтесь! Заряжайтесь
В этот первый день апреля.

Март, 2003

О. Кошмановой

Что с вами часто спорю я, простите.
Простите, коль обидела вас скоро.
Но истине смирение – не родитель,
Она родиться может в муках спора.
И вот ответ, коль ждете вы ответа
(Пусть понимает каждый, как горазд):
– Что Божий дар? То – солнце, небо, ветер
И дождь, и гром, что нас пугал не раз.
И это снег, что скрипнул под ногами,
И месяца растущего рожок,
Душа, что разливается стихами
Иль песней, что летит без слов, без строк...
Что Божий дар!? Мы за него не платим,
И ценит его каждый, как поймет, –
Кто бьет поклон в рассвете и закате,
Кто солнцу и дождю дары несет,
А кто-то вовсе это не оценит,
Как должное приняв в судьбе своей.
Увы, увы! Тут не повесишь ценник
И о цене, как плате, нет речей....

Март, 2003

МАЛЕНЬКИЙ ТАП

Увалы, увалы... меж ними лога.
Над самым обрывом теснится тайга.
И лишь иногда в поворотах реки,
Поросшие талом, мелькают пески...
Мы едем на Тап, где нас ждут иль не ждут,
И волны навстречу моторке бегут...
Два года я, Тап, не встречалась с тобой.
Объятая свои мне раскрой, дорогой,
Как жил, как живешь ты теперь, расскажи,
Поляны лесные свои покажи,
Где гроздя костянки раскиданы впрок,
Песчаной гвоздички склонился цветок,
Домашний где бор, будто сказочный лес –
Березы и сосны до самых небес,
И чистые, белые, мягкие мхи,
Глазницы озер в тихой пойме реки,
Сосна, расщепленная давней грозой,
И выводок уток в кустах молодой,
И травы по пояс, и запах лугов,
В воде отраженье седых облаков,
Табун лошадей на лугу – красота! –
В нем белая лошадь, не лошадь – мечта...
Еще как здесь люди живут, расскажи.
Ты, маленький Тап, их здесь просто сдружил.
Здесь мало хозяев, все больше гостей,
Что съехались в гости со всех волостей.
То правда, в чьей раз ты встречался судьбе,
Уже непременно вернется к тебе...
О, маленький Тап, неприкаянный рай!
Два сказочных дня и – прости и прощай.

Прощайте, дома над обрывом Урая,
Где в зелень воды вербы косы макают,
Прощайте, цветы и по пояс трава,
Прощай, шайтан-камень... на год иль на два?
Я буду искать к тебе тропку во сне.
Прощай, тихий Тап, вдруг родным ставший мне,
Колодец-родник и упавший плетень,
Черемухи сладкой богатая тень,
Заброшенный дом и старинный погост,
Шиповника заросли, вишенки рост,
Клубничка, бутун, позабывшие грядки...
И мысли о счастье, мелькнувшем вдруг рядом,
Как белая-белая лошадь-мечта...
Зачем ты навеял их, маленький Тап?!
Дороги твои без машинных следов...
Я буду скучать! Ты – встречать будь готов!

Сентябрь, 2003

МОЙ РОДНОЙ МЕЖДУРЕЧЕНСК

(Песня)

Вновь осенний пожар над тайгой расплеснулся,
И в туманах вода по утрам в тихих речках.
И где маленький Ах до Конды дотянулся,
Свои улицы там раскидал Междуреченск.
Наш Кондинский район над волною кондинской.
Здесь так мало дорог, здесь тайга бесконечна,
Здесь от пункта до пункта путь довольно неблизкий.
И здесь центр района – мой родной Междуреченск.
Нет больших городов, лишь поселки большие
Зажигают огни, свет несущие в вечность.
И им шлет свой привет и свои позывные
Каждый день, каждый час мой родной Междуреченск.
Как богат наш район, знает каждый конечно,
Но богатство его основное – народ!
Это волей его ты цветешь, Междуреченск,
Это силой его край Кондинский цветет.

Сентябрь, 2003

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

Ночью выйду на крыльцо: в тишине
Надо мной далекий мир – небосвод.
И там каждая звезда в вышине
Своей жизнью, своей тайной живет.
А кого не манят тайны порой?
Любопытство – человека черта:
Неизведанное тронуть рукой,
Непонятное постичь, хоть в мечтах.
Небосвода мир с каёмкой зари.
Звезды тоже, словно судьбы людей:
Вон звезда, что слишком ярко горит,
А иные мне мигнут холодней.
Любопытство жизнь толкает вперед,
Хоть и губит оно иногда.
Всяк из нас своей тайной живет.
Человек каждый – это звезда.

Декабрь, 2003

* * *

Как часто судьбой не владеем мы сами,
И правит в судьбе нашей случай порой.
И в мир, где живем, мы приходим гостями.
Уходим однажды куда мы? Домой?
И что ожидает в той вечной квартире?
И сколько отпущено здесь погостить?
Смириться не просто – я гость в этом мире?!
Уж пусть квартирант, если можно им быть.
Смахнули и вымели мусор за гостем,
Порой, даже вслед. Нет, я так не хочу!
За жизнь мою дней моих путанных гроздь,
Коль я квартирант, то я заплачу.
Совсем небольшою пусть будет та плата.
Но, может, когда-то в витках дальних лет
В квитанциях жизни квартирного вклада
Отыщут праправнуки мой земной след.

Январь, 2004

Содержание

Голос дочери Мансийского народа	3
О себе	6
Обелиски над Кондой	9
Лесной пожар	12
Моя Конда	13
«В сумерках горел костер неяркий...»	14
Сыну	14
Первая любовь	15
Уходящее лето	16
Грустная осень	17
«Кружится листва золотая...»	18
Любовь	19
«Сердце замирает, в сердце грусть...»	20
«У рук твоих особенная сила...»	20
«Вернись! Прошу тебя, вернись...»	21
«Изменяю тебе с другим...»	21
«За днями проходят дни...»	22
«Захотелось увидеть...»	22
«Уж от солнечных лучей...»	23
Подруге детства	24
Ностальгия	25
«Та женщина, что жизнь мне подарила...»	26
Над таежной Кондой	27
«Назло тебе пойду с другим...»	28
Моей Половинке	29
Уловов вам, рыбаки	30
«У ветра, наверное, тоже есть дети...»	31
На родине моей	32
На улице	33
«Набросила зима на пестрый мир...»	34
Обелиск	35
Летнее утро	36
«Травы по пояс. Сосны до неба...»	37

«Шара земного кружение...»	38
На Светлом	39
Дому родному	40
«Возвращается птиц караван...»	41
Разлив	42
«Мне кем-либо часто вопрос задается...»	43
Дефицит	44
Ручей	45
Сенокос	46
Березы	47
Ворона на суку	48
В военкомате	49
«Изучал я русскую историю...»	50
«Наш музей теперь уж не ребенок...»	51
Монолог мужика	53
«Налитый солнечным теплом...»	54
Фотография солдата	55
Новогодние ёлки	56
Метель	56
«Лишь дни рожденья отгуляли...»	57
«День клонится ко сну...»	58
Журавли	59
Может, это было	60
«Годы в невозвратной дали тают...»	62
Дед и внук	63
«С экранов слышим треск очередей...»	64
Возвращение домой	65
О жизни	66
Март	67
Моя деревенька	68
«Когда берешь гитару в руки ты...»	69
«Тонули мы иль по теченью плыли...»	70
«Поздним вечером над селом...»	70
После метели	71
«Ночка звезды рассыпала...»	72

«Любимая! Прости меня за то...»	73
О дружбе	74
Учинскому музею	75
Рассвет	76
Кондинский край	77
Ночи беспокойные	78
«Ух, какую метелицу...»	79
«Спит земля, за трудный день уставшая...»	80
Щедрое лето	81
Ода портфелю	82
Выпускнику	83
«От чего сегодня все смеются...»	84
Прощание со школой	85
Ищу тебя	86
«Современная жизнь такая...»	87
«На отмели реки у переката...»	88
У шаманского камня	89
«Идут года, звенят капли...»	90
Сибири	91
«Облака купаются в воде...»	92
Родной земле	93
Простите, ветераны!	94
Женщине-матери	95
С Новым годом!	96
«Мужчина с копьём и на крепком коне...»	97
«За окошком март-задира...»	98
«В жизни чтоб предательства не знать...»	98
«Есть, кроме родного порога...»	99
«Девочка была красой приметна...»	100
Смерть цветка	101
В Тапу	102
Первый апрель – никому не верь	104
Хозяин леса	105
Вдоль Учиньи-реки	108
Времена года	110

Ураю	115
Запах весны	116
К 70-летию юбилею директора Учинского музея А.Н. Хомякова и 10-летию музея	117
«Солнышко сквозь тюлевые шторы...»	120
«Февраль, сироткой брошенной...»	120
«Зачем родится человек на свет...»	121
«Увы, полжизни даже прожив...»	121
«Ночь прокралась из-за кромки леса...»	122
«О Югорской земле эту песню пою...»	123
«Сказал Великий неспроста...»	124
С новым веком!	125
Карнавал	126
Пушкину	127
«В домике уютном женщина седая...»	128
Моя осень	129
Белые краски	130
«Покатилась звезда и упала...»	130
Целуйте руки матерей	131
«Всю ночь просился ветер в дом...»	132
Внукам	132
«Веретешко юркое...»	133
«Как мало человеку надо...»	133
«Который день стоит мороз...»	134
Ранняя осень	134
Признание в любви	135
«Проблемы, нехватки...»	136
«Всю жизнь мне хотелось убогих...»	136
Мама	137
Поминальный день	138
«В печи трещат дрова сухие...»	139
Спасибо, Генка!	140
«Не властные мы в жизненном походе...»	142
«Было время, я писала...»	143
«Сердце болит за детей...»	144

Через двадцать лет	145
Разговор с метелью	146
Чужие	147
Планета-мать	148
«Поселок вверх дымами устремился...»	149
«Скорей, скорей проснись...»	149
Колдовство	151
«Во мне будто два человека живут...»	152
Река моего детства	153
«Досадно, судьбой не владеем мы сами...»	156
Телефонный разговор	157
Брату Валере, трагически погибшему в 2003 году	158
Легенда о бардах	159
«Всем известно, что доброе слово...»	162
Кораблик	162
Легенда о великой богине	163
Стихи моей матери Сафоновой Августы	
Петровны, обнаруженные после её смерти в 2002 году	165
«Жизнь человека очень коротка...»	165
«В край Юргинский я вернулась...»	165
«Не губите деревья, не рвите цветы...»	166
«Хороши, хороши вечера на Конде...»	166
Осенняя грусть	167
«Я тебе подарю красотищу земную...»	167
«Мой край труда и задушевной песни...»	168
«Морозное серое небо...»	168
«Здравствуй, здравствуй, моя голубая...»	169
«Что значишь ты в моей судьбе, земля...»	170
К 80-летию Кондинского района	171
Голос бубна	172
Первоапрельская зарядка	173
«Что с вами часто спору я, простите...»	174
Маленький Тап	175
Мой родной Междуреченск	177
Люди и звезды	178
«Как часто судьбой не владеем мы сами...»	179

- 119464-1.

184

